

ПУТЕШЕСТВІЕ
АКАДЕМИКА НИКОЛАЯ ЮСИФА ДЕЛЛА

ВЪ

БЕРЕЗОВЪ

ВЪ 1740 году.

Академика П. Пекарскаго.

Со снимками видовъ Березова, рисованныхъ въ 1740 году.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ VI-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМИИ НАУКЪ.
№ 3.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1865.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Коми., въ С. П. Б.

П. Глазунова, въ С. П. Б.

И. Базунова, въ Москвѣ.

Экспедицiонца и Коми., въ Тифлисъ.

Цена 50 коп.

Напечатано по распоряжению Императорской Академии Наук. Санкт-Петербургъ, 30 Января 1865 года.

Непримѣнный Секретарь Академіи *К. Веселовскій*.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ББК 63.3 (253.3)

П24

ОТВѢТСТВЕННЫЙ ЗА ВЫПУСК

О.А. Кривошеева

Пекарский П.П.

П24 Путешествие академика Николая Иосифа Делиля в Березов в 1740 году. — Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. — 80 с. — (Югорский репринт).

Репринтное издание труда академика Императорской Академии наук Петра Петровича Пекарского 1865 года о путешествии французского астронома Делиля — очередной выпуск серии «Югорский репринт» Государственной библиотеки Югры. В издании представлены статьи из «Русского биографического словаря» о П. Пекарском и И. Делиле.

Публикация возвращает читателю очередной источник по истории края, до настоящего времени практически недоступный, со времени первого издания в 1865 году книга не переиздавалась.

Издание будет полезно историкам, исследователям, краеведам.

© Государственная библиотека Югры,
издание, 2007

© Оформление. ГП «Полиграфист»,
2007

ISBN 978-5-89846-663-3

ПУТЕШЕСТВІЕ

АКАДЕМИКА НИКОЛАЯ ЮСИФА ДЕЛИЛЯ ВЪ БЕРЕЗОВЪ

въ 1740 году.

АКАДЕМИКА П. ПЕКАРСКАГО.

Въ 1740 году, первый въ Россіи астрономъ, академикъ Николай Юсифъ Делиль, ѣздивъ, для наблюденія прохожденія Меркурія чрезъ солнце, въ Березовъ, извѣстный въ тогдѣшнее время только потому, что считался отдаленнѣйшимъ изъ населенныхъ мѣстъ въ Сибирь, куда ссылались разныя историческія личности, въ родѣ князей Меншикова, Долгорукихъ, гр. Остермана. Замѣчательно, что объ этомъ путешествіи Делиля въ самой Академіи сохранилось очень немного извѣстій, что объясняется тѣмъ во-первыхъ, что главная цѣль путешествія — прохожденіе Меркурія чрезъ солнце — нашему астроному не удалась за облачною погодою, а во-вторыхъ, онъ, какъ и большая часть академиковъ его времени, былъ въ разладѣ съ извѣстнымъ въ исторіи нашей Академіи Шумахеромъ и, нѣсколько лѣтъ послѣ возвращенія своего изъ Березова, даже вовсе не посѣщалъ академическихъ конференцій.

1 февраля 1740 г. Делиль представилъ Академіи записку, въ которой, объяснивъ о важности наблюденія надъ прохожденіемъ Меркурія чрезъ солнце, доказывалъ, что это явленіе въ апрѣлѣ 1740 г. не могло быть видимо въ Европѣ, за исключеніемъ развѣ Вардгуса (Wardhus) на окраинѣ датской Лапландіи, гдѣ представлялась возможность видѣть его въ продолженіе получаса послѣ восхожденія солнца; въ Колѣ и Архангельскѣ оно должно было продолжаться не болѣе четверти часа послѣ

солнечнаго восхода; но, при большемъ удаленіи къ Востоку, можно было долѣе наблюдать сказанное явленіе. Въ Обдорскѣ, около устья р. Обя, прохожденіе Меркурія чрезъ солнце имѣло продолжаться болѣе двухъ часовъ, а на землѣ вообще должно было длиться немного болѣе трехъ часовъ, такъ-что если бы была возможность проникнуть далѣе на Сѣверо-Востокъ, то тамъ оно было бы видимо во все продолженіе сего. Делиль и предлагалъ Академіи предпринять путешествіе для означенной цѣли, тѣмъ болѣе, что въ Россіи пути сообщенія зимою очень удобны (*); но онъ предвидѣлъ также возможность неудачи главной цѣли далекой поѣздки, когда небо въ день прохожденія Меркурія, именно 21-го апрѣля (ст. ст.), было бы покрыто тучами, а потому представлялъ Академіи о томъ, что можно было бы совершить предположенное путешествіе къ Сѣверному Оксану на пользу географіи и физики.

При Императрицѣ Аннѣ, адмиралтейская коллегія предпринимала развѣдки сѣверныхъ береговъ отъ Архангельска до устьевъ главныхъ рѣкъ, впадающихъ въ Сѣверный Оксанъ, именно Печоры, Оби и Енисея, включая сюда сопредѣльные съ ними острова Вайгачъ, Новую Землю и др., съ цѣлью удостовѣриться въ возможности пути изъ Европы въ Азію чрезъ Сѣверный Оксанъ. Эта развѣдка доставила адмиралтейской коллегіи много записокъ и картъ тѣхъ краевъ; но онѣ составлялись морскими офицерами, у которыхъ не имѣлось тогда средствъ для произведенія достаточно вѣрныхъ наблюденій. Въ предположенное путешествіе представлялся случай провѣрить все, что было въ этомъ отношеніи произведено на берегахъ Сѣвернаго Оксана. Для достиженія этого, Делиль предлагалъ взять въ путешествіе всѣ вновь составленныя карты, копіи съ морскихъ журналовъ и проч., также отправить нѣсколькихъ способныхъ изъ морскихъ офицеровъ, бывавшихъ уже въ подобныхъ поѣздкахъ, и геодезистовъ съ ихъ инструментами. Изъ послѣднихъ онъ указывалъ на присланныхъ въ Академію

(*) Ср. въ академическомъ архивѣ: Extrait du mémoire lu à l'Académie des sciences le 1 Février 1740 sur le passage de Mercure sur le Soleil qui doit arriver le 21 Avril 1740 invisible en Europe et qu'il seroit très utile d'observer à Obdorsky vers l'embouchure de l'Oby (подписано Делилемъ).

Наукъ Монсея Сметева и Семена Чичагова, пріобрѣвшихъ уже достаточныя свѣдѣнія въ геодезіи и имѣвшихъ крѣпкое тѣлосложеніе, чтобы выдержать такое трудное и далекое странствіе. При этомъ Делиль представлялъ о необходимости взять съ собою академическаго студента Кёнигсфельда, который былъ опытенъ въ астрономическихъ наблюденіяхъ и изчисленіяхъ, и Трускота, бывшаго въ состояніи помогать ему въ черченіи и геометрическихъ работахъ. Такъ какъ академики, за семь лѣтъ передъ тѣмъ посланные въ сибирскую ученую экспедицію, Гмелицъ, Миллеръ и Людовикъ де ла Кройеръ, не достигли береговъ Сѣвернаго Океана, то Делиль находилъ полезнымъ производить тамъ точныя наблюденія надъ склоненіями магнитной стрѣлки, о тяжести и теплотѣ воздуха, о вѣтрахъ, морскихъ приливахъ и отливахъ, также оставить въ значительнѣйшихъ мѣстахъ термометры и барометры для людей, способныхъ продолжать подобныя наблюденія (*).

Академія представляла о поѣздкѣ Делиля въ Императорскій Кабинетъ согласно желанію астронома. Перебѣна сдѣлана была только та, что вмѣсто Трускота положено было отправить Михаила Грѣвинга, который также занимался при Делилѣ астрономическими наблюденіями. «Сего февраля 19 дня нынѣшняго 740 года, писала Академія Наукъ въ Кабинетъ, представилъ профессоръ Делиль о теченіи планеты Меркурія въ солнце, которое должно быть въ 21 числѣ мѣсяца апрѣля сего году, а въ Европѣ видимо не будетъ; а по усмотрѣнію его для астрономическаго дѣла надлежитъ ему ѣхать и то усмотрѣть въ Обдорскомъ при устьѣ Оби рѣки.... А объ ономъ дѣлѣ Академія разсуждаетъ, что оное для астрономіи и географіи весьма куріозно и потребно.»

Два дня спустя послѣ подачи этого допошенія, 26 февраля, въ Императорскомъ Кабинетѣ состоялось слѣдующее постановленіе, подписанное министрами гр. Остерманомъ, кн. Черкасскимъ и Артемьемъ Волинскимъ:

(*) Ср. въ академическомъ архивѣ: *Mémoire particulier de ce qui se peut faire pour la Géographie et la Physique dans le voyage proposé aux côtes de la Mer Septentrionale* (подписано Делилемъ).

«По сему доношенію вышепомянутаго профессора Делиля для объявленнаго имъ астрономическаго дѣла въ Обдорскъ къ Оби рѣкѣ, давъ ему двухъ человекъ солдатъ, отправить, и съ нимъ, Делилемъ, по требованію его, послать за толмача обрѣтающагося при немъ Михаила Грѣннига да ученика физики и оптики Матиса Андрикса; и еще отправить съ нимъ отъ адмиралтейской коллегіи изъ русскихъ учителя Салтанова и при немъ изъ учениковъ, которые довольно знаютъ астрономію человека три или четыре. А буде таковыхъ знающихъ учениковъ не имѣется, то дать толкое жъ число изъ мичмановъ или изъ другихъ чиновъ, кого за способна признаетъ оный Салтановъ и оная коллегія за потребно разсудить. А на прогоны и на путевые расходы означеннымъ Делилю и Салтанову со обрѣтающимися при нихъ велѣно выдать изъ штатсъ-конторы тысячу рублей; да сверхъ того, оному Делилю дать изъ деісансъ Академіи жалованья на полгода. А вышепоказаннымъ посылающимся съ нимъ Грѣннигу и Андриксу на годъ жалованья не въ зачетъ. А чтобъ въ проѣздѣ имъ, Делилю и Салтанову, со обрѣтающимися при нихъ до вышеозначеннаго мѣста и въ бытность ихъ тамо, такожъ и по возвращеніи до Санктъ-петербурга, чинено было надлежащее вспоможеніе, о томъ имъ данъ отверстой (листъ)»... (*).

Съ Делилемъ было отправлено въ путешествіе 18 человекъ; при этомъ взято столько инструментовъ, что они, по словамъ В. Я. Струве, составили цѣлую обсерваторію (**).

Подробности о путешествіи Делиля сдѣлались явными заграничной публикѣ тридцать девять лѣтъ спустя послѣ поѣзд-

(*) Ср. дѣла академической канцеляріи за 1740 г., книга № 50.

(**) Вотъ описаніе ихъ, сдѣланное самимъ Делилемъ (въ дѣлахъ академической канцеляріи за 1740 г. кн. № 50):

- 1) Un moyen quart de cercle pris de l'observatoire.
- 2) Une lunette catadioptrique des 5 pieds qui appartient à Mr De l'Isle.
- 3) Une lunette de Campani de 15 pieds qui appartient à Mr De l'Isle.
- 4) Deux pendules prises de l'observatoire les plus propres pour les voyages.
- 5) Un instrument pour observer les passages du soleil et de la lune par méridien etc. dont Mr De l'Isle souhaite d'établir l'usage dans de pareils voyages qui appartient à Mr le Grand Maréchal (т. е. графу Левенвольду младшему), qui veut bien le prêter, en attendant qu'on en fasse venir un autre d'Angleterre par les premiers vaisseaux.
- 6) Une lunette particulière de 5 ou 6 pieds préparée pour observer la situation de Mercure sur le soleil que Mr De l'Isle fournira des siennes.
- 7) Plusieurs ajustements, boîtes et emballage que l'on fera faire à l'Académie.

ки академика въ Сибирь. Въ XXIV томѣ Histoire générale des voyages (Амстердамъ 1779 г., стр. 500 и слѣд.) напечатано было по рукописи, какъ сказано въ предисловіи, Делиля, поступившей вмѣстѣ съ его бібліотекою во французскій морской архивъ (Dépôt de la marine): «Extrait d'un voyage fait en 1740 à Berezow en Sibirie aux depens de la Cour Impériale par Mr De l'Isle, doyen de l'Académie Royale des Sciences, alors professeur d'Astronomie à l'Académie de Pétersbourg, pour y observer le passage de Mercure sur le disque du soleil et du journal de M. Koenigsfeld, qui l'accompagnoit». Отсюда было сдѣлано В. Берхомъ, безъ указанія источника, чрезвычайно краткое и неполное извлеченіе, которое помѣщено въ журналѣ А. Воейкова и В. Козловскаго «Новости Литературы» 1823 года (кн. IV, №№ XIV, стр. 1, XV, стр. 17 и XVI, стр. 33) подъ заглавіемъ: «Путешествіе астронома Делиля и профессора (sic) Кёнигсфельда изъ Петербурга въ Березовъ». Въ томъ же 1823 г., при № 71 Русскаго Инвалида, который издавалъ тогда А. Воейковъ же, приложена, безъ всякихъ объясненій, литографія съ подписью «Видъ Березовскаго острова (sic) съ церковью кн. Меншикова и соборною церковью, снятый съ берега р. Сосвы». Эта литографія есть ничто иное, какъ плохая копія съ одной изъ гравюръ, приложенныхъ къ упомянутому выше XXIV тому Histoire générale des voyages. Наконецъ, въ 1849 г. кн. И. А. Долгоруковъ принесъ въ даръ Географическому Обществу неизвѣстно, какимъ образомъ ему доставшуюся рукопись «Voyage de Koenigsfels et Delil à Bérésow», которая подробно описана покойнымъ В. Я. Струве въ Запискахъ сейчасъ названнаго Общества 1849 года, книжка III, стр. 50—67. Отсюда видно, что рукопись эта, составлявшая нѣкогда часть бумагъ Делиля, которыя принадлежатъ нынѣ французскому морскому архиву, заключаетъ въ себѣ дневникъ Кёнигсфельда, переведенный съ нѣмецкаго и переписанный Делилемъ, а также переписку, которую велъ этотъ ученый въ поѣздку свою по Сибири съ женою и разными лицами. При сравненіи французскаго извлеченія въ Histoire générale des voyages съ принадлежащею Географическому Обществу рукописью, легко примѣтить, что первое сдѣлано изъ

последней такимъ образомъ, что въ началѣ къ выпискамъ изъ писемъ Делиля къ женѣ прибавлены нѣкоторыя подробности изъ дневника Кёнигсфельда и на оборотъ, а къ концу болѣшая часть французской статьи заимствована исключительно изъ переписанныхъ Делилемъ замѣтокъ Кёнигсфельда, причемъ ошущены любопытныя подробности, которыя встрѣчаются въ письмахъ Делиля къ женѣ, Волинскому, Остерману, Гроссу и касаются исторіи наукъ и современной жизни въ Россіи (*). Рукопись имѣетъ также то преимущество предъ печатнымъ извлеченіемъ, что въ ней сохранились (хотя не всѣ) подлинные рисунки, которые въ *Histoire générale des voyages* исполнены съ прикрасами и по ошибкѣ выгравированы всѣ наоборотъ, т. е. что въ подлинникѣ было на лѣвой сторонѣ, то въ гравюрѣ вышло на правой и проч.

Делиль съ своими спутниками выѣхалъ изъ Петербурга 28 февраля. По дорогѣ къ Москвѣ, астрономъ удивлялся крѣпости и неутомимости русскихъ ямскихъ лошадей. На видѣ онѣ казались измученными и, кажется, были не въ состояніи подвинуть съ мѣста тяжелыя сани, а между тѣмъ весь длинный переѣздъ бѣжали вскачь, безъ отдыха, не останавливаясь ни для корма, ни для питья. Ямщики цѣлую дорогу вели длинные разговоры съ своими лошадьми, то очень дружески, то приправляли увѣщанія сильными ударами кнута или просто палки. Приключеній особенныхъ до Москвы не было. Только разъ сани, въ которыхъ везли казенныя деньги, отстали. Путешественники думали, что ихъ отбили въ небольшомъ мѣстѣ близъ Новгородъ; однако отставшія сани подѣхали, и дѣло кончилось нѣсколькими палочными ударами, которыми наградила маіоръ Салта-

(*) Въ письмѣ Делиля къ женѣ, датъ Березова 22 мая (нов. ст.) 1740 г., сохранившемся къ сожалѣнію не вполне въ рукописи (см. стр. 235 — 341), при описаніи своего путешествія, астрономъ прибавляетъ: *cela me servira à en conserver la mémoire, n'ayant pu rien mettre par écrit, tant parce que je ne m'étois pas proposé d'en faire une relation, que parceque quand j'aurois eu ce dessein, je n'aurois pu rien faire qui vaille, n'ayant pas toujours eu mon interprète à côté de moi, et n'ayant pas eu non plus la commodité d'écrire, à cause que nous avons été presque toujours en route, tant la nuit que le jour»...*

новъ опоздаващаго солдата, что, по замѣчанію Делиля, не много стоило на для того, кто давалъ, ни тому, кто получалъ тѣ удары. 3 марта, Делиль былъ уже въ Москвѣ, гдѣ, какъ ревностный католикъ, посѣтилъ католическую церковь. Два или три капуцина, находившіеся при ней, жили по всей строгости предписанной имъ нищеты, а московскіе католики не считали нужнымъ отвращать ихъ своими пожертвованіями отъ обѣта бѣдности. 7 марта, путники достигли Ваадимира. Они ѣхали во время поста, и по дорогѣ имъ не давали даже яицъ и молока изъ опасенія согрѣшить за путешественниковъ, накормивъ ихъ скоромнымъ. Въ Муромѣ Кенигсфельдъ замѣтилъ, что тамъ печется лучшій въ Россіи бѣлый хлѣбъ. Онъ же записалъ о селѣ Павловѣ, расположенномъ на берегу Оки и принадлежавшемъ Черкасскому (à Zerkasin?), что тамъ продавались разные русскія галантерейныя вещи, какъ-то пистолеты, охотничьи ножи, замки, сдѣланные на подобіи сердца и величиною въ перцовое зерно. Въ десяти верстахъ оттуда, около Богородска, другое большое село—Лысково, гдѣ торговали прекрасными бѣлыми полотнами, и бывалъ по пятницамъ большой торгъ. Далѣе, отъ Лыскова, въ разстояніи двухъ верстъ—макарьевскій монастырь, знаменитый своею ярмаркою.

За Козьмодемьянскомъ, по дорогѣ въ Ярагскъ, путешественники въ первый разъ встрѣтили черемисовъ. По собраннымъ свидѣніямъ, эти инородцы имѣли одинъ свой праздникъ—это первый день новаго года; прочіе же праздники были у нихъ, какъ у русскихъ, но они не соблюдали постовъ, ѣли конину, а бѣдные даже мясо собакъ. Кенигсфельду показалось, что черемисскій языкъ очень сходенъ съ финскимъ и заимствовалъ нѣчто изъ русскаго и латискаго (*). Онъ также записалъ о

(*) Черемисскія слова, записанныя Кенигсфельдомъ: *atha*—отецъ, *ebva*—мать, *zichur*—хлѣбъ, *schurgu*—лѣсъ, *zur imne*—добрая лошадь, *potka charie*—скорѣ ступай, *baskelle*—скоро, *thire*—сани, *lebed*—закрой, *ratsch*—отвяжи, *yiga*—иню, *agisa*—водка, *lum*—сидѣть, *schundel*—братъ, *schusar*—сестра, *juma*—богъ, *getscha*—солнце, *tillse*—луна, *schider*—звѣзда, *mlenda*—земля. *with*—вода, *kutscha*—остановись, *oleu salve cimal*—тихо, *iktat*—одинъ, *kochtat*—два, *cumat*—три, *nillet*—четыре, *viset*—пять, *kucat*—шесть, *schinct*—семь, *kandansch*—восемь, *indensch*—девять, *suo*—десять, *kola*—двадцать, *kulo*—тридцать, *nillage*—сорокъ, *wittle*—пятьдесятъ, *radla*—шестьдесятъ, *schide*—сто, *tuschesa*—тысяча.

цѣны припасовъ между Яранскомъ и Котельничемъ, гдѣ живутъ по болѣйшей части черемисы: быкъ — 1 руб., теленокъ — 18 коп., баранъ — 12 коп., курица — 1 коп., большой горшокъ молока — 1 коп., кулъ овса — 15 коп., кулъ ржи — 25 коп., сѣна 6 возовъ — 30 коп., большая кружка пива — 3 коп.

Проѣхавъ Котельничъ и Орловъ, путешественники, 14-го марта, достигли Вятки. Она показалась имъ прекраснымъ и большимъ городомъ, въ которомъ много каменныхъ зданій и огромная церковь, принадлежащая монастырю. Последняя была построена четверугольникомъ и имѣла позолоченный куполь, который много придавалъ красоты городу. Въ Вятку въѣзжали чрезъ ворота восьмиугольной башни съ деревянною рѣшеткою. За Вяткою, Делиль встрѣтилъ настоящихъ вотяковъ — народъ грубый, языческій, жившій въ лѣсахъ. Они въ своихъ храмахъ, называвшихся *qua*, воздавали божескія почести быку, представлявшему въ ихъ глазахъ неизвѣстно какое божество; за неимѣніемъ этого животнаго, вотяки поклонялись гусю. У нихъ не было никакого понятія о времени, дняхъ, часахъ, и не имѣли они праздниковъ; хотя же и былъ жрецъ, но онъ столько же былъ свѣдущъ, какъ и они сами. Вотяки не знали письменъ, все передавалось у нихъ при помощи устныхъ преданій. Они вѣрили, что Богъ, называемый *Alees*, сотворилъ человѣка, но что на него плюнуть шайтанъ (дьяволъ), отчего и послѣдовало развращеніе человѣческой природы. У нихъ не было обрядовъ при бракосочетаніи: мужчѣна, нашедшій себѣ по вкусу женщѣну, вступалъ съ нею въ сношенія, потомъ признавалъ ее за жену, поселялся у тестя, у котораго и оставался жить до смерти. Казался страннымъ головной уборъ вотячекъ: онъ состоялъ изъ шапки въ три этажа, вышиною въ два фута, украшенной платтинками изъ жести, серебра и разноцвѣтныхъ стеклышекъ (*).

Около Камы путешественники въѣхали во владѣнія бароновъ Строгановыхъ. Пространство ихъ земель Делиль рав-

(*) Слова изъ вотяческаго языка, записанныя Кенигсфельдомъ: *meeg* — богъ, *schoitau* — дьяволъ, *waal* — лошадь, *athi* — отецъ, *obamo* — мать, *dedi* — сани, *zorti* — ступай, *sila* — остановись, *goel* — молоко, *des* — хорошо, *dac* — десять, *uot* — плохой, *schundi* — солнце, *toles* — луна, *tisti* — звѣзды, *il* — огонь, *tell* — воздухъ, *wa* — вода, *tu* — земля, *pilesu* — побо, *sur* — пиво, *kurkui* — ница.

нялъ величинѣ самой большой французской провинціи. Еще въ Москвѣ Строгановъ сообщилъ астроному карту своихъ владѣній. Въ строгановскихъ помѣстьяхъ академика приипмали прекрасно. Прикащики сѣвшили усердно услуживать ему. Какъ только путешественники прѣѣзжали въ какое нибудь значительное селеніе, имъ отводили господскіе дома, которые вездѣ содержались въ порядкѣ и были хорошо протоплены. Повсюду имъ предлагались закуски и угощенія, за которыя ничего не брали. За такое вниманіе, замѣчаетъ Делиль, мы платили только словами, обѣщая рассказать ихъ барину о такомъ пріемѣ, для чего астрономъ и велѣлъ точно записывать ихъ имена. Пройхавъ Тюмень, 19 марта Делиль достигъ Соликамска, расположеннаго на берегу Камы. Жители этого мѣста ему показались очень вѣжливыми и зажиточными—первое происходило отъ послѣдняго. Кѣнигсфельдъ былъ тамъ въ гостяхъ у богатаго купца Алексѣя Ѳедоровича Турчанинова. При прощаніи онъ подарилъ автору дневника и сопровождавшему его маіору Салтанову и прапорщику Грегорьеву каждому по бахчѣ (bachtza) хорошаго чая, что составляетъ свертокъ въ $1\frac{1}{4}$ фунта, и пряниковъ (pain de sucre). Делиль ходилъ смотрѣть, какъ добываютъ тамъ соль: въ землѣ копаютъ колодцы, и находямая тамъ вода имѣетъ соленый вкусъ. Ее поднимаютъ оттуда посредствомъ весьма нехитрыхъ насосовъ, которые приводятся въ дѣйствіе лошадьми. Потомъ вода проводится по жолобамъ въ резервуаръ въ 50—60 футовъ длины и ширины, а высокою въ одинъ только футъ. Резервуаръ, который, собственно говоря, есть ничто иное, какъ котелъ сдѣланный изъ листового желѣза и держится на полосахъ изъ того же метала, какъ будто на рѣшеткѣ. Снизу разводятъ сильный огонь изъ дровъ для кипяченія воды. Эта вода, испаряясь, выдѣляетъ изъ себя соль, и работанки, совсѣмъ нагіе, стол на окраинахъ котла, собираютъ ее при помощи особеннаго рода деревянныхъ граблей, насаженныхъ на длинныя жерди, и разбиваютъ ее на куски. Болѣе двухъ сотъ домовъ заняты такимъ производствомъ, но эта соль не такъ хороша, какъ морская и каменная соль. На возвратномъ пути изъ Сибири, Кѣнигсфельдъ, проѣздомъ чрезъ Соликамскъ, добавилъ къ этому,

что въ солеварняхъ нѣтъ ничего искусственнаго; все производится тамъ руками людей, которые за каждыя двѣ сотни выкачанныхъ изъ ямъ ведеръ соленой воды получаютъ вознагражденія 3 копейки. Ямы эти глубиною отъ 30 до 40 тоазовъ; для того, чтобы вскипятить воду въ котлѣ нужно отъ 12 до 13 тоазовъ дровъ. Для полученія оттуда соли необходимо, чтобы вода кипятилась въ котлѣ безъостановочно двое сутокъ.

Изъ Соликамска путники двинулись на Востокъ, и ночью, 21 марта, проѣхали Молчанъ, гдѣ самая плохая дорога чрезъ Верхотурскія горы, отдѣляющія Европу отъ Азии. Замѣчательнѣйшая изъ этихъ горъ есть Капатъ (Karat?), которая получила названіе свое отъ того, что въ ней прорыта, по императорскому повелѣнію, дорога, ведущая въ Тобольскъ. Около Кирги, направо и налѣво возвышались надъ лѣсами высокія горы, казущіяся длинными стѣнами. На протяженіи 150 верстъ по дорогѣ отъ Соликамска, путники только два раза мѣнили лошадей. Въ 12 верстахъ за Киргою, они ѣхали мимо цѣпи утесовъ, около 170 футовъ вышиною, называющихся Павданской каменью. По дорогѣ налѣво, на разстояніи ружейнаго выстрѣла, Кенигсфельдъ примѣтилъ высоты, похожія на каменные, совсѣмъ покрытыя мохомъ башни. Отъ села Спасскаго или Вогульска начинается народъ вогулы, живущій въ лѣсахъ, особенно изобильныхъ пихтою. Вогулы показались Кенигсфельду очень похожими на калмыковъ. 22 года тому назадъ, князь Матвій Петровичъ Гагаринъ, бывшій наместникомъ въ Сибирь, своими попеченіями обратилъ этотъ народъ въ православіе (*). По выѣздѣ изъ Верхотурья, снова встрѣчались по обѣимъ сторонамъ высокіе утесы: они соединены между собою городьбою и служатъ воротами для охраненія проѣзда въ Сибирь. Здѣсь вѣдалась таможенная пошлина, но нашихъ путешественниковъ пропустили безъ досмотра. Въ Туринскѣ или

(*) Вотъ нѣкоторые слова изъ вогульскаго языка у Кенигсфельда: Tagem—Богъ, katel—солнце, jamecoro—душа, kopsa—звѣзды, attor—иско, tant—огонь, nit—вода, mal—земля, sesesi—отецъ, aum—мать, jebu—братъ, jaike—сестра, uerko—императоръ, lu—лошадь, vut—корова, sancti—молоко, filalii—птица.

Япанчѣ, ихъ очень вѣжливо принялъ тамошній комендантъ, родомъ прусакъ или шведъ, Веддигеръ, который говорилъ пофѣмецки, полатини и немного пофранцузски. Кѣнигсфельдъ записалъ, что городъ этотъ прежде былъ деревнею и назывался Япанча, по имени одного татарина Япанчи.

Проѣхавъ Тюмень, 25 марта экспедиція достигла Турбинской юрты. Отсюда начинаются поселенія наиболѣе просвѣщенныхъ (*humanisés*) во всей Сибири татаръ, называемыхъ *jâdisch*, или красноярскими. Они очень чистоплотны и живутъ по обычаю восточныхъ народовъ. Въ жилищахъ ихъ, называемыхъ юртами, на возвышеніяхъ въ полтаршина отъ земли, развѣшены, какъ у персіянъ и турокъ, ковры; тамъ же, на маленькихъ очагахъ видѣется большой котелъ, въ которомъ постоянно варится каша (*bouillie*), которую эти татары предпочитаютъ шеничному хлѣбу, хотя въ послѣднемъ у нихъ нѣтъ недостатка.

Вечеромъ 25 же марта, Делия прибылъ въ Тобольскъ. Губернаторъ выслалъ къ нему на встрѣчу солдата, который и провожалъ ихъ въ городъ. По большой улицѣ, для пріема путешественниковъ, были расставлены рядами солдаты, и офицеры, ими командовавшіе, отдавали честь, когда мимо ихъ проѣзжалъ академикъ съ своею свитою. По пріѣздѣ Делия въ отведенную ему квартиру, губернаторъ прислалъ офицера поздравить его съ пріѣздомъ и предложить все, что отъ него зависѣло. Кромѣ того, астронома посѣтило много другихъ лицъ, а губернаторъ потомъ прислалъ тамошнее угощеніе — въ двухъ большихъ сосудахъ медъ и пиво. На другой день, Делия, со всѣми своими спутниками, отправился къ губернатору, Петру Ивановичу Бутурлину. Здѣсь ихъ угощали кофе, трубками и сушеной рыбой, вмѣсто сластей (*en guise de masserain*). Губернаторъ хотѣлъ удержать у себя обѣдать пріѣзжихъ; но Делия отказался, зная, что тогда былъ постный день, а ему нужна была болѣе питательная пища, чѣмъ рыба. Вообще нельзя было требовать почестей болѣе тѣхъ, которыя оказывались нашему ученому: у дверей его комнаты поставленъ былъ почетный караулъ, и было дано множество солдатъ для исполненія порученій академика и его спутниковъ.

По выходѣ отъ губернатора, хирургъ Гольцъ, котораго Делзль посѣтилъ съ Кёнигсфельдомъ, повелѣ ихъ къ графинѣ Прасковѣ Петровнѣ, урожденной Татариновой, супругѣ графа Санти, бывшаго церемоніймейстера двора, сосланнаго въ Ильгинской острогъ еще при императрицѣ Екатеринѣ I (*). Графъ женился въ Москвѣ (**), вскорѣ послѣ прибытія туда, не зная, что будетъ сосланъ гораздо далѣе. Женѣ не позволили слѣдовать за мужемъ, а также не могла она возвратиться къ семейству въ Москву (?), почему и принуждена была жить очень уединенно въ Tobolsk. Съ нею была сестра, мужу которой отрубили здѣсь голову 30 іюля 1739 г. (***). Эта

(*) Графъ Санти былъ возвращенъ изъ ссылки при императрицѣ Елизаветѣ, и о немъ, какъ о церемоніймейстерѣ, есть нѣсколько упоминаній въ Запискахъ Екатерины II.

(**) Впоследствии Делзль записалъ, что Санти женился на Татариновой въ Иркутскѣ въ 1733 г., что кажется вѣроятнѣе, потому что семейство Татариновыхъ было изъ давнишнихъ сибиряковъ.

(***) Въ печатномъ французскомъ извлеченіи изъ описанія путешествія Делзля не обозначено имени этого казеннаго; но изъ рукописи Географическаго Общества узнаемъ, что на обратномъ пути Делзль въ Tobolsk онъ встрѣтился снова съ сестрою графини Санти и изъ разговоровъ съ нею узналъ, что она была замужемъ за гарнизоннымъ майоромъ Петромъ Федоровичемъ Петровымъ, который дѣйствительно былъ казненъ въ Tobolsk, но, какъ показано въ официальныхъ бумагахъ, 30 августа 1739 года. Майоръ Петровъ начальствовалъ карауломъ, приставленнымъ въ Березовѣ къ семейству князей Долгоруковыхъ. Осипъ Тишинъ, канцеляристъ сибирской губернской канцеляріи, бывъ въ Березовѣ для допроса Долгоруковыхъ по одному изъ многочисленныхъ дѣлъ, безпрестанно лозикавшихся о нихъ въ царствованіе императрицы Анны, слышалъ отъ князя Ивана Алексѣевича, бывшаго любимца императора Петра II, разныя рѣзкія выраженія на счетъ царствовавшей государыни: «нынѣ-де, говорилъ онъ, фамилія и родъ нашъ весь пропалъ, все-де это... нынѣшняя наша императрица разорила, а все-де послушала... цесаревны Елиза...», за то что-де я хотѣлъ ее за не-пот... сослать въ монастырь». Тишинъ, какъ объ этихъ словахъ, такъ и о томъ, что Долгоруковы не крѣпко содержатся въ Березовѣ, говоритъ Петрову, но этотъ о томъ никуда не доноситъ и продолжалъ оказывать снисхожденіе, впрочемъ ничтожное, къ сосланнымъ. При разслѣдованіи всего этого, оказалось, что разъ на Пасхѣ семейство Петра было у Долгоруковыхъ. Кромѣ того, однажды послѣдніе присылали ему блудо крекделей, а въ круглой разъ меда съ постлуда; дѣтнимъ его подарили «вѣтеръ небольшой на костяхъ тафтяной, травчатой, да полотна голландскаго одинъ аршинъ, да рубашку позотнячую бѣлую» малолѣтнему сыну Петрова. Для майора же, Долгоруковы купили въ Березовѣ лошадь и корону. Петровъ обвинялся при томъ въ недонесеніи, что жена березовскаго воеводы, Бобровская, получила отъ Долгоруковыхъ кусокъ «грязета съ искрами», за кумовство. Таковы были вѣны Петрова, за которыя онъ заплатился головою (Д. гос. архива).

дама была привлекательною наружности и очень любознательна: услышавъ объ астрономахъ, ѣдущихъ въ дальнія мѣста, она пожелала ихъ видѣть и бесѣдовать съ ними; вотъ почему тѣ и были у нея. На другой день къ Делилю явился отъ графини служитель и принесть въ салфеткахъ ослѣпительной бѣлизны двѣ большія тарелки — одну съ маленькими недавно испеченными хлѣбами, а другую съ китайскими апельсинами (*orange de la Chine*), сваренными и сжатыми, какъ сушенныя груши. За то Делиль поспѣшилъ послать этой дамѣ шесть бутылокъ французскаго вина и велѣлъ сказать ей, что онъ не уѣдетъ изъ Тобольска, не простившись съ нею.

Два дня спустя послѣ прибытія въ Тобольскъ, путешественники были очень удивлены по утру звономъ во все городскіе колокола. Скоро объяснили имъ причину тому: умеръ семидесятилѣтній митрополитъ тобольскій Антоній — послѣдній въ цѣлой Россіи, носившій этотъ титулъ (*). Петръ Великій счелъ нужнымъ уничтожить это званіе, но тобольскаго іерарха, во уваженіе его заслугъ и преклонныхъ лѣтъ, оставилъ пользоваться титуломъ митрополита по смерти его.

Кѣнигсфельдъ съ Гольцомъ пили чай у вдовы одного татарскаго князя, умершаго за четыре года передъ тѣмъ и называвшагося Суберковичъ (?). Онъ происходилъ отъ древняго рода Кучума, изъ котораго были въ старину сибирскіе цари. У вдовы были двѣ хорошенькія дочери, одѣтыя въ ихъ національныя платья — длинныя изъ штофа и украшенныя со всѣхъ сторонъ драгоценными камнями и серебромъ. Передъ уходомъ гостей, хозяйка угощала ихъ особеннаго рода пирожками, или бѣлыми хлѣбомъ — *baiter*.

26 марта, у Делиля и его спутниковъ: Кѣнигсфельда, Салтанова и Грегорьева, былъ совѣтъ, касательно того, какой имъ избрать путь, такъ какъ многія лица удостовѣрили по опыту, что дорога между Березовымъ и Обдорскомъ почти

(*) Извѣстно, что у насъ поспѣдствіемъ было опять возстановлено это званіе, но при императрицѣ Аннѣ сохранялось въ силѣ постановленіе Петра объ упраздненіи митрополій. Упомянутый здѣсь митрополитъ — Антоній Стаховскій, когда былъ префектомъ черниговскаго коллегіума, издалъ «Зерцало отъ писанія божественнаго», Черниговъ 1705 года.

невозможна по множеству препятствій отъ недостатка припасовъ, которыхъ тамъ нельзя и добыть. Это заставило путешественниковъ избрать мѣстомъ для наблюденія явленія или Сургутъ на рѣкѣ Оби, или же Нарымъ, если бы только была возможность добраться до послѣдняго къ 15 апрѣля. Нарымъ тѣмъ болѣе представлялъ удобствъ, что онъ былъ расположенъ къ Востоку, а направленіе къ Востоку было выгоднѣе направленія къ Сѣверу для предполагаемой цѣли путешествія. 28-го марта, Делпль, свита котораго увеличилась еще пятнадцатью солдатами, знавшими ремесла слесарное, плотничное и т. п., покинулъ Тобольскъ и направился къ Березову чрезъ Демьянскій и Самаровскій ямы и Шунгурскій погостъ.

По дорогѣ, путешественники имѣли случай познакомиться съ новымъ для нихъ народомъ—остяками. Первыхъ остяковъ они встрѣтили обращенныхъ уже въ православіе. Въ Филинскомъ погостѣ, Кёнигсфельдъ разсматривалъ оружіе одного изъ нихъ: оно состояло изъ длиннаго лука, длиною въ 7 футовъ, и стрѣлъ съ желѣзными наконечниками, довольно грубо сдѣланныхъ. Одна изъ нихъ предназначалась для охоты за бѣлками (*petit gris*) и отличалась отъ другихъ тѣмъ, что имѣла на концѣ маленькой конусообразный кусокъ дерева, который убиваеъ звѣря, не портя его кожи. Остяки питаются почти только одною рыбою, почему у нихъ повсюду рыбій запахъ. Кёнигсфельду встрѣтился также остякъ, отправлявшійся на охоту съ собакою, которая помогала ему держаться на снѣгу. У него былъ лукъ изъ кедра и палка, обдѣланная въ видѣ заступа (*bêche*); на одномъ концѣ ея была острая кость, въ видѣ зуба, и лыжа (*une raquette*), которая препятствуетъ палкѣ влизнуть въ снѣгу; на противоположномъ концѣ палки лопатка служитъ для разгребанія его, чтобы зарываться въ немъ на ночь, когда охотникъ въ лѣсу и захочетъ спать. На правомъ плечѣ у него висѣлъ колчанъ изъ оленьей кожи съ стрѣлами. По дорогѣ Кёнигсфельдъ видѣлъ нарты, или остячскіе сани, запряженные собаками. Последнія почти всѣ одна въ одну: росту среднего, носъ вздернутый, уши длинныя, поднятыя вверхъ, какъ у волковъ; верхняя часть шкуры черная, а нижнія части: лапы, подшеекъ и хвостъ—бѣлые. Туловище у нихъ обернуто ремнемъ, который веревками прикрѣп-

лень къ сапямъ. Нарты очень легки и сдѣланы изъ ивовыхъ прутьевъ, но такъ крѣпко, что выдерживаютъ тяжесть человѣка съ поклажею. Въ такихъ-то экипажахъ остяки совершаютъ всѣ свои переѣзды, то лежа и даже спя, привязанные къ сапямъ, то пѣшкомъ съ лопатками и въ лыжахъ, по болѣе части обтянутыхъ оленьей кожей.

Въ Самаровскомъ ямѣ, расположенномъ на Иртышѣ у подошвы высокой горы, путешественники встрѣтили шведскаго поручика Берга, взятаго русскими въ плѣнъ при Выборгѣ (въ 1710 г.) и принявшаго православіе. По рассказамъ его, остяки чтутъ Бога, котораго называютъ *Mastrico*. Его истукану поклонялись отъ Нарыма на Оби до Самаровскаго яма, но послѣ, болѣе тысячи пятисотъ этихъ истукановъ было истреблено и сожжено. Въ первомъ изъ названныхъ мѣстъ находится каменный идолъ — Шайтанъ, которому остяки поклонялись, какъ сатанѣ, чтобъ онъ не дѣлалъ имъ зла. Въ Кетскомъ или Троицкомъ монастырѣ, въ 40 верстахъ отъ Самаровскаго яма, хранилось для любопытства нѣсколько подобныхъ истукановъ.

Въ Линшѣ (*Linsch* или *Lisch?*), путники видѣли одного остяка, совсѣмъ опьянѣвшаго съ женою своею отъ куренія табаку. Онъ у нихъ служитъ обычнымъ рвотнымъ для очищенія желудка отъ безпокоющихъ ихъ слизей (*des glaires*), или отъ рыбы, которая не переваривается, потому что ѣдятъ ее безъ соли. Въ такихъ случаяхъ остяки берутъ въ ротъ воду и потомъ затягиваются табачнымъ дымомъ, что и производитъ рвоту. Трубки ихъ есть ничто иное, какъ четвероугольный, выдолбленный камень, въ который вдѣланъ деревянный мунштукъ въ футъ длиною, обтянутый кожей. Остяки такіе страстные охотники до табаку, что, въ случаѣ неимѣнія его, отвертываютъ мунштукъ, скоблеть его и добытымъ отъ того остатками набиваютъ свои трубки, которыя вмѣщаютъ въ себя столько, сколько нужно для одной затяжки. Одежда остяковъ, мужчинъ и женщинъ, украшена рыбьей чешуей ярко желтаго цвѣта, производящаго краспый видъ, также и другихъ цвѣтовъ. Большая часть одежды дѣлается изъ выдровыхъ шкуръ, которыя у нихъ очень обыкновенны и такъ велики, что иногда достигаютъ трехъ футовъ въ длину. Повѣрять ли, что и въ этихъ странахъ есть своего рода сует-

ность и нѣчто подобное роскоши? Женщины умѣютъ окрашивать эти мѣха, при помощи сока нѣкоторыхъ растений, въ красный цвѣтъ, и такимъ образомъ украшать одежды для себя и мужей. Постели и подушки у нихъ также покрыты подобными мѣхами. Хижины или юрты остяковъ отличаются тѣмъ, что въ нихъ хотя есть также очаги и нѣтъ недостатка въ огнѣ, однако тамъ не беспокоятъ дымъ, какъ это случается у татаръ и даже у русскихъ. Вверху этихъ юртъ дѣлается овальное отверстие, которое на ночь затыкается тростникомъ. Свѣтильня въ ихъ ночникахъ дѣлается изъ волоконъ, добываемыхъ изъ тальника—дерева, довольно похожаго на европейскую иву. Подобныя свѣтильни предварительно обмакиваются въ рыбій жиръ. Около стѣнъ внутри юрты идетъ возвышеніе около фута отъ земли и глубиною въ 5—6 футовъ. Тамъ помѣщаются постели изъ разноцвѣтныхъ тростниковыхъ рогожъ съ подушками, покрытыя рыбьей чешуей и набитыя птичьими перьями. Въ глубинѣ, возвышеніе обвѣшено подобными же рогожами, раскрашенными въ темныя цвѣта. «Въ этихъ то темныхъ альковахъ, мы, говоритъ Делиль, всегда примѣчали женщинъ, сидящихъ на корточкахъ и обращенныхъ спиною къ посѣтителямъ, съ носами, уткнутыми въ рогожи. Я не знаю, было ли то слѣдствіемъ опасенія соблазнить иностранцевъ своею красотою? Въ этомъ отношеніи намъ нѣчего опасаться: онѣ могутъ казаться красивыми только остякамъ, столь же безобразнымъ и отвратительнымъ, какъ онѣ сами. Впрочемъ, какъ ни безобразны остяки, дѣти у нихъ довольно красивы, круглолицыя, полныя и бѣлыя, между тѣмъ какъ у всѣхъ взрослыхъ остяковъ впалыя щеки и цвѣтъ мертвенный, маслянистый, что происходитъ отъ рыбьяго жира, который безъ соли составляетъ у нихъ главную пищу.»

Въ Шунгурскомъ погостѣ (такъ названо у Делиля), или въ Замосовской юртѣ (какъ написано у Кёнигсфельда), путешественники нашли церковь и русскаго священника, Василія Левина, уроженца Украйны, жившаго съ остяками около двѣнадцати лѣтъ. На другой день прибытія сюда, т. е. 6 апрѣля, праздновалась Пасха, и путники отправились въ церковь. Здѣсь женщины были отдѣлены отъ мужчинъ занавѣсомъ и сидѣли на головахъ большіе платки, въ родѣ монашескихъ покрывалъ.

Послѣ церковной службы, священникъ радушно угощалъ проезжихъ и ни за что не хотѣлъ ничего взять за это. Изъ разсказовъ его видно, что языческія преданія въ тѣхъ мѣстахъ были тогда въ полной силѣ, и имъ вѣрилъ даже самъ разсказчикъ. Такъ онъ сообщалъ Кёпнигсфельду, что во время своихъ разъѣздовъ въ нартѣ, запряженной собаками, онъ проѣзжалъ однажды лѣсомъ, въ которомъ онъ и его спутникъ замѣтили дерево съ огромнымъ и чудовищнымъ изображеніемъ человѣческаго лица. Остаясь, сопровождавшій священника, спросилъ его, не нужно ли срубить топоромъ это изображеніе, такъ какъ то былъ идолъ шайтанъ, которому остяки язычники еще приносили жертвы и поклонялись? Священникъ согласился на это, но въ то самое мгновеніе, когда дерево упало, раздался въ лѣсу страшный крикъ и столь громкій, какъ будто ревѣлъ самый огромный быкъ. Этотъ крикъ походилъ на звуки оууѣ, оууѣ, оууа! Шесть собакъ, запряженныхъ въ нарту, испугались, принялись страшно выть, поджали хвосты и ни за что не хотѣли двинуться съ мѣста. Священникъ и его возница лежали въ нартѣ, полумертвые отъ страха. Наконецъ, собаки, не смотря на то, что были измучены и въ поту, побѣжали съ неимоверною быстротою и опрокинули нарту. Священникъ, противъ обыкновенія не былъ въ ней привязанъ, а потому выпалъ оттуда и пролежалъ на снѣгу, лишенный всякаго сознанія и чувства. Прийдя наконецъ въ себя, и осыпавшись крестнымъ знаменіемъ, онъ побрелъ шагъ за шагомъ и наконецъ верстахъ въ пятнадцати, нашелъ своего остяка, который сказывалъ, что ему не было никакой возможности удержать собакъ. Послѣднія были совсѣмъ измучены и не могли двинуться съ мѣста, а между тѣмъ было вѣтрено и холодно. Отъ стужи и страха священникъ страдалъ невыносимо, и съ тѣхъ поръ у него осталось такое сильное трясеніе рукъ, что онъ съ трудомъ могъ писать.

Другое событіе, разсказанное тѣмъ же священникомъ, заключалось въ слѣдующемъ: два года передъ тѣмъ, одна пятилѣтняя дѣвочка изъ погоста играла около церкви. Въ полдень замѣтили, что она исчезла. Вездѣ искали ее, но бесполезно. Черезъ три дня переѣхали Обь, которая протекаетъ мимо погоста, и стали дѣлать поиски въ лѣсу верстъ за 15, гдѣ нако-

нець и слышали слабый жалобный голосъ. По нему дошли пекавшіе до лужайки, на которой сидѣлъ бѣдный ребенокъ; передъ нимъ лежали кедровые орѣхи и половинна рыбы. Она рассказывала, что ее перенесъ черезъ рѣку дядя, и что тогда вода доходила ей до половинны колѣни. Потомъ онъ далъ ей рыбу и орѣховъ, но съ условіемъ, чтобы она поцѣловала его мохнатыя ноги, чего дѣвочка не исполнила, смѣясь и не хотя ему повиноваться. Наконецъ дядя бросилъ ее.

Путь отъ Тобольска къ Березову былъ очень утомителенъ для путешественниковъ: зима была такъ жестока, что мѣстные жители не помнили, чтобы была когда ипбудь такая. Лошади были изнурены отъ недостатка кормовъ и перевозки громоздкихъ тяжестей, потому что, кромѣ большихъ инструментовъ, онѣ везли на себѣ продовольствіе на три мѣсяца. Послѣ чрезвычайныхъ усилій и сильной усталости, путешественники 9 апрѣля достигли до Березова. Тамашній воевода, бывшій поручикъ преображенскаго полка Федоръ Ивановичъ Шулъгинъ, уже предуѣдомленный объ ихъ приѣздѣ, тотчасъ размѣстилъ по квартирамъ приѣзжихъ. Жители города спѣшили дарить ихъ сливками, говядиною, гусями и русскими кушаньями.

10 апрѣля, Делиль, Кёнигсфельдъ, Грѣннигъ и Салтановъ держали совѣтъ, на которомъ было рѣшено остаться въ Березовѣ до весны, когда придутъ три лодки, которыя должны были слѣдовать за ними, потому что въ Березовѣ предупреждали путешественниковъ, что имъ нельзя далѣе везти инструментовъ сухимъ путемъ, какъ по множеству сибирговъ, такъ и по тому, что олени зимою теряютъ свою силу, а самки въ это время бываютъ стельны.

Такъ какъ Березовъ расположенъ на горѣ, то первымъ стараніемъ Делиля было отыскать мѣсто, удобное для обсерваторіи. Къ счастью, въ двухъ стахъ шагахъ отъ его квартиры, на берегу р. Сосвы нашлась необитаемая изба, на мѣстѣ удобномъ для астрономическихъ наблюденій, и съ котораго горизонтъ былъ совершенно открытъ. Скоро здѣсь была устроена обсерваторія, въ которой размѣстили инструменты и провѣрили часы. Тогда Делиль и Кёнигсфельдъ стали тамъ отъ времени до времени производить наблюденія. Измѣривъ высоту полюса

(т. е. географическую широту мѣста) и не вводя поправокъ, они нашли, что она была $64^{\circ} 3' 39''$; разность между меридианами болонскимъ и березовскимъ принята была равною 3 часамъ и 30 минутамъ. 22 апрѣля, въ день прохожденія Меркурія чрезъ солнце, все было готово для наблюденія этого явленія, но, къ величайшему сожалѣнію астронома, солнце было скрыто за облаками и появилось только часъ спустя послѣ прохожденія.

И на пути въ БерезовѢ, и въ самомъ городѣ, Кѣнигсфельдъ сдѣлалъ нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ объ языкѣ остяковъ. Попадавшіеся ему до Березова, когда еще были язычниками, поклонялись воздуху и небу, какъ Богу, отчего у нихъ для этихъ трехъ предметовъ одно названіе *du rom. Gigeu*—отецъ, *angeschi*—мать, *gigbog*—братъ, *gigewa*—сестра, *tut*—огонь, *mig*—земля, *ginck*—вода, *lauguts gün*—лошадь, *menne*—ступай скорѣе, *katla*—остановись, *kus*—рыба, *menem mia*—дай мнѣ, *guag*—деньги, *guagsar*—дикой звѣрь, *pogod*—соболь, *guide*—серна (*un elan*), *kunsugoi*—олень, *gwagsar*—лисица, а *entom*—есть ли у тебя, *gwischa*—здравствуй, *schatl*—солнце, *tilis*—луна, *kus*—звѣзды, *sorne*—золото, *gimbo*—серебро, *jug*—лѣсъ, *kungwae*—птица, *noeler*—ложка, *pogger*—ножикъ, *zageru*—табакъ, *jartgiu*—водка, *kangsa*—трубка, *basun*—люби, *anha*—женщина.

Въ БерезовѢ Кѣнигсфельдъ имѣлъ случай узнать отъ своего караульнаго казака, березовскаго уроженца, о березовскихъ остякахъ. На ихъ языкѣ *thor* значитъ Богъ, *asa*—отецъ, *anga*—мать, *gail*—братъ, *gewi*—сестра, *getzi kimia*—моя душенька (ласкательное выраженіе у остяковъ); *amr*—собака, *ogol*—нарта, *wil ogol*—нарта, въ которую запряженъ олень, *wil*—олень, *jam wasge*—медвѣдь, *wil sog*—оленья шкура, *kusz*—платье мѣховое изъ шкуръ, которое носятъ зимою и лѣтомъ, *was*—утка, *lund*—гусь, *wog*—деньги, *katra*—мѣдная монета. Остяки вовсе не знаютъ золота и, можетъ быть, никогда не видали монеты изъ этого металла. Вообще они мало дорожатъ монетами, которыя для нихъ не нужны, и дорого цѣнятъ только то, что имъ необходимо для пищи и для ежедневнаго ихъ обихода. Вотъ ихъ счетъ: *if*—1, *kat*—2, *chollen*—3, *neig*—4,

wet—5, schot—6, labat—7, nuil—8, wertiangk—9, janik—10, zkosian—11, kat kosian—12, cholikosian—13, nelkosian—14, wetkosian—15, chotkosian—16, labatkosian—17, nuilkosian—18, wertkosian—19, jankkosian—20, sath—100, jancksath—1000. Счетъ самоѣдовъ: oby—1, sede—2, naer—3, thet—4, semelengk—5, moth—6, siju—7, sende—8, chad sawaju—9, lutzejn—10. Касательно ogultzi (?), Кёнигсфельдъ узкая только слѣдующій ихъ счетъ: agu—1, kity—2, chorm—3, niul—4, ath—5, chot—6, sath—7, niellelu—8, ontolon—9, lu—10. Въ Березовѣ у остяковъ nukas значить соболь; wochsar—лясца, sas—горностаи, langi—бѣлка, keschy—пожикъ, laim—топоръ, pudt—котелъ, schar—табакъ, ti mia—дай мнѣ, nunik chosa wol—есть ли у тебя, tut—огонь, kul—рыба, sog—осетрина, untsch—нельма или бѣлорыбца, ranninu sog—остяцкое украшеніе изъ рыбьей чешуи, что русскіе называютъ кушакъ, равное chur sog—мѣшокъ изъ рыбьей чешуи шуки и стерляди, шитой вмѣстѣ; желтыя полосы берутся именно изъ стерляжьей чешуи.

О березовскомъ климатѣ Кёнигсфельдъ замѣчаетъ, что тамъ иногда въ концѣ іюня выпадаетъ снѣгъ, а берега Оби окончательно обсыхаютъ только въ августѣ мѣсяцѣ. Когда-то бываетъ дождливое, то Обь выходитъ изъ береговъ, иногда покрываетъ окружныя земли верстъ на пятьдесятъ и образуетъ потоки и трясины, очень опасныя для переѣздовъ, въ особенности зимою, потому что въ такихъ мѣстахъ не бываетъ жилищъ и не видно ничего, кромѣ неба и снѣговъ. Когда вода долго остается на поверхности земли, какъ напр. въ 1737 г., то вся трава портится; внутренность стебельковъ ея наполняется тиною, что губить скотъ, который ею кормится: тогда внутренности валой скотины находятъ наполненными пескомъ или иломъ (terre grasse). Въ бытность путешественниковъ въ Березовѣ, они были свидѣтелями такой грозы, какой никогда не видали въ Европѣ. Она разразилась 13 мая; эхо послѣ каждаго громоваго удара продолжалось отъ 30 до 40 секундъ. По рассказамъ туземцевъ, грозы въ августѣ бываютъ еще сильнѣе: по рѣдкости населенія, онѣ мало наносятъ вреда людямъ и по большей части разражаются въ лѣсахъ. Съ 18 на 19 мая

прошелъ съ Востока ужасный ураганъ: Сосва выступила изъ береговъ, разлилась на пространствѣ отъ 5 до 7 верстъ, и Березовъ казался стоящимъ посреди озера. Затѣмъ послѣдовала сильная стужа, и по замерзшимъ топямъ и грязи можно было ходить, нисколько не вязнувъ.

Когда еще снѣгъ не сошелъ, путешественники пробовали изъ любопытства бѣдить въ нартахъ на оленяхъ вдоль берега рѣки на протяженіи двухъ верстъ. Олени бѣгутъ очень легко и быстро, но весьма горячатся и скоро устаютъ. Ихъ погоняютъ длинною палкою, оканчивающеюся шарикомъ; управляютъ же посредствомъ ремня, привязаннаго къ рогамъ съ лѣвой стороны. 12-го мая Сосва вскрылась въ Березовѣ, и на ней появилось множество остяковъ на лодкахъ. Обыкновенно въ нихъ садятся по двое; длиною онѣ не болѣе 7 футовъ, а шириною 2 фута, слѣдовательно такъ малы, что съ трудомъ поднимаютъ двухъ человѣкъ. Когда остяки на сушѣ, то при нихъ всегда двѣ собаки, которыя и перевозятъ лодку до юрты или до другой рѣки, которую надобно переплыть. Поэтому собаки для остяковъ большое подспорье во все время года; это такъ сказать ихъ крѣпостные работники. Выше было замѣчено, что животныя эти очень походятъ на европейскихъ волковъ, какъ цвѣтомъ, такъ шерстью и ростомъ. Впрочемъ есть черныя, болѣе нѣжныя, чѣмъ сѣрыя, и производившія, по словамъ Кёплгсфельда, ужасный вой по ночамъ. Этотъ же путешественникъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что ихъ переводчикъ подарилъ ему бѣлаго сибгиря (pivot, Dompraffe), у котораго спина была черноватая, нѣсколько сѣрѣвшая, какъ разсказывали, лѣтомъ. Эти птицы прекрасно свистятъ; нѣзіе у нихъ нѣжное, пріятное и гораздо лучше, чѣмъ у европейскихъ.

Березовскій воевода водилъ путешественниковъ показывать складочное мѣсто для мѣховъ, принадлежавшихъ императрицѣ. Сюда доставляются мѣха, собираемые изъ шести волостей: Подгородной, Обдорской, Касинской, Лопнянской, Сосвинской и Кумовотской. Волость есть то же, что станъ, или родъ прихода. Пять, шесть, семь, а иногда болѣе юртъ составляютъ волость. Въ главныхъ юртахъ ея есть князь, начальникъ остяковъ. Впро-

чемъ, кромѣ этого титула и обязанности платить болѣе значительную подать, нѣтъ у него никакихъ преимуществъ.

Въ мѣстностяхъ около Березова водилось много бобровъ, любящихъ селиться по берегамъ рѣкъ. Они не менѣе изобрѣтательны, не менѣе хорошіе строители, чѣмъ бобры въ Канадѣ; но полагаютъ, что между ними есть разница. Въ жилищахъ сибирскихъ бобровъ, есть множество выходовъ, прорытыхъ, или скрытыхъ подъ землею на значительномъ другъ отъ друга разстояніи. Рассказываютъ, что у нихъ есть передовые посты и скрытые караульные, смѣняющіеся отъ времени до времени. Однимъ словомъ, сибирскіе бобры не уступаютъ американскимъ въ тонкости и хитрости. Кёнигсфельдъ ѣздилъ смотрѣть въ 25 верстахъ отъ Березова на Сосвѣ одно изъ ихъ поселеній и нашелъ, что къ нему вели четыре дороги. Остяцкіе собаки очень хорошо умѣютъ препятствовать спасаться этимъ животнымъ, но бобры еще хитрѣе ихъ и, почуввъ приближеніе собакъ, погружаются въ воду и тѣмъ самымъ увертываются отъ нихъ.

Березовъ въ XVIII столѣтіи былъ мѣстомъ ссылки самыхъ важныхъ изъ политическихъ преступниковъ, и этотъ отдаленный городокъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ такіа знаменитости, каковы были Меншиковъ, Долгорукіе, Остерманъ. Замѣчательно, что изъ рассказовъ Кастрѣна, имя котораго не возможно упоминать безъ сожалѣнія о ранней его кончинѣ для науки, видно, что, въ бытность его въ Березовѣ въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, не сохранилось никакихъ преданій ни о Долгорукихъ, ни объ Остерманѣ, и память о нихъ исчезла, какъ будто они никогда не бывали тамъ; но зато въ Березовѣ много воспоминаній не лишенныхъ поэзій, о томъ, кого въ юности Петръ Великій называлъ *mein Herzens Kind* и кто готовился быть тестемъ императора Петра II.

У Кастрѣна въ Обдорскѣ былъ знакомецъ, старикъ изъ березовскихъ казаковъ. «Этотъ человѣкъ, пишетъ ученый, заинтересовалъ меня болѣе, чѣмъ другіе казаки, своимъ благоговѣніемъ къ Меншикову. Вообще жители г. Березова чтутъ съ благоговѣйнымъ чувствомъ память ихъ знаменитаго гостя. Что же касается до вышепомянутаго казака, то онъ не могъ

говорить безъ одушевленія о сосланномъ, опальномъ вельможѣ, и все, что говорилъ Меншиковъ и чему поучалъ онъ, было для него закономъ. Онъ зналъ однообразную жизнь Меншикова, когда тотъ проводилъ время въ изгнаніи и униженіи, тверже чѣмъ молитвы, которыя читалъ каждое утро и вечеръ. По рассказамъ старика, Меншиковъ, прибывъ въ Березовъ, сталъ усердно размышлять о своей душѣ и пришелъ къ убѣжденію, что до тѣхъ поръ всѣ его помыслы не имѣли другой цѣли, кромѣ своего собственнаго возвышенія. И дома, и при народѣ, онъ каялся, что былъ виноватъ предъ своимъ государемъ, и сознавалъ, что заслуживалъ постигшее его тяжелое наказаніе. Онъ видѣлъ въ немъ не кару, но милость неба, которое отверзло ему двери милосердія. Чтобы вымолить прощенье грѣхамъ своимъ, онъ рѣшился посвятить остатокъ жизни покаянію и для того приступилъ къ сооруженію церкви. При стройкѣ ея, онъ самъ работалъ съ прочими, а когда зданіе было готово, то принялъ на себя ничтожное званіе церковнаго старосты и съ точностью выполнялъ всѣ его обязанности. Ежедневно, первымъ входилъ въ храмъ и послѣдній оставлялъ его; часто, по окончаніи божественной службы, передавалъ собравшемуся народу наставленія отъ писаній божественныхъ. Нашъ казакъ былъ неистощимъ на воспоминанія о поученіяхъ, которыя преподавалъ Меншиковъ своимъ слушателямъ при томъ или другомъ случаѣ, конечно, безъ всякаго предчувствія, что даже по прошествіи болѣе чѣмъ столѣтія они останутся еще въ памяти признательныхъ жителей Березова (*)»....

Если въ Березовѣ было такъ живо воспоминаніе о Меншиковѣ за двадцать лѣтъ до нашего времени, то можно себѣ представить, какъ много было тамъ рассказовъ о немъ одинадцать лѣтъ спустя послѣ его смерти, въ бытность въ Березовѣ Делила. Тогда содержалось уже въ острогѣ семейство князя Аленскаго Долгорукаго (**). Незадолго до прибытія астронома,

(*) M. Alexander Castrén's Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838 — 1844, стр. 284, 285.

(**) Изъ дѣла госуд. архива видно, что въ апрѣлѣ 1740 г. въ березовскомъ острогѣ жили: княгиня Наталья Борисовна, жена кн. Ивана Алексѣевича, любимица Петра II, съ сыновьями Михаиломъ и Дмитріемъ; братъ

сюда прислали новаго командира надъ карауломъ. На третій день послѣ прїѣзда въ Березовъ Деляля, 11 апрѣля, Кёнигсфельдъ записалъ въ дневникѣ: «около вечера, мы посѣтили майора Андрея Ивановича Карпова, прибывшаго сюда изъ Тобольска съ пятидесятью солдатами, смѣняемыми каждый годъ. Онъ насъ принялъ очень вѣжливо, угостилъ чаемъ и кедровыми орѣхами и взялъ на себя трудъ подняться съ своими гостями на колокольню, построенную передъ церковью. Оттуда мы смотрѣли на острогъ, или темницу государственныхъ преступниковъ. Зданіе это расположено за небольшою рѣчкою, чрезъ которую сдѣланъ мостъ. Карповъ указывалъ и домъ, въ которомъ живетъ тамъ самъ, такъ какъ обязанъ постоянно быть при караулѣ. Въ то же время видѣли и церковь, сооруженную княземъ Меншиковымъ, и въ которой онъ похороненъ подъ алтаремъ (*).

Далѣе въ дневникѣ Кёнигсфельда читаемъ:

«14-го мая, на р. Сосвѣ, шагахъ 150 отъ берега, я началъ снимать видъ Березова, на крайней оконечности горы съ южной стороны, и перерисовалъ его на-бѣло въ тотъ же день, но только карандашемъ. 15 мая, также пробовалъ я, будучи у рѣки во стѣ шагахъ отъ берега, снимать положеніе острога, гдѣ содержатся государственные преступники, и церкви, сооруженной княземъ Меншиковымъ съ восточной стороны. И тотъ и другая обозначены буквами *и* и *а*... Слѣди рисунки подъ буквами *А*, *В*, *С*.

Послѣдній рисунокъ и объясненія о немъ Кёнигсфельда въ томъ отношеніи любопытны, что они даютъ возможность съ точностью опредѣлить мѣсто погребенія замѣчательнѣйшаго изъ всѣхъ сотрудниковъ Петра Великаго. Извѣстно, что Бан-

Ивана, князь Алексѣй съ сестрами, княгинями Еленою и Анною. При нихъ были въ услуженіи три вдовы и одна дѣвушка. На другомъ дворѣ, подлѣ особаго карауломъ содержалась обрученица Петра II, княжна Екатерина Алексѣевна.

(*) Меншиковъ умеръ 12 ноября 1729 г., а 29 октября того же года умерла дочь его Марья. См. статью г. Есипова въ Отечеств. Зап. 1860 г. т. СХХХІ, № 8, 379; 1861 года т. СХХХІV, № 1, стр. 5 и № 2 въ концѣ приложеніе. Статья эта потому заслуживаетъ вниманія, что въ ней сдѣланы выписки изъ официальныхъ актовъ, которые часто опровергаютъ тѣ свѣдѣнія, которыми вѣрили на слово довольно долгое время. Впрочемъ приведенныя тамъ же, разныя печатныя извѣстія вовсе оставлены безъ критической проверки.

тышъ Каменскій, будучи губернаторомъ въ Tobольскѣ, сдѣлалъ распоряженіе объ отысканіи могилы Меншикова. Мѣстный городничій, въ 1825 г., раскопалъ одну могилу и скоропеченный тамъ трупъ выданъ былъ за останки Меншикова. Подробности о томъ Бантышъ Каменскій описалъ въ своемъ Словарѣ достопамятныхъ людей, и на основаніи ихъ долгое время всѣ вѣрили, что Бантышъ Каменскій точно видѣлъ въ могилѣ самого Меншикова. Недавно одинъ мѣстный изслѣдователь, г. Абрамовъ, основательно опровергнулъ рассказы Бантышъ Каменскаго (*). Догадка его, что Меншиковъ погребенъ при сооруженной имъ церкви, окончательно подтверждается словами и рисунками въ дневникѣ Кёнигсфельда. Г. Абрамовъ сообщилъ при томъ, что березовскій острогъ, построенный около 1724 г., «находился въ двадцати саженьяхъ на Западъ отъ нынѣшней каменной богородице-рождественской церкви. Въ немъ было невысокое, съ большими, кверху круглыми окнами, пространное зданіе».... Въ 1754 г., оно было исправлено для содержанія государственнаго преступника Якова Гонтковскаго (**); потомъ оставалось пустымъ; въ 1784 г. перенесено и перестроено для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ, а въ пожаръ 1806 г. сгорѣло.

22 мая 1740 года, путешественники покинули Березовъ, чтобы возвратиться въ Tobольскъ. Такимъ образомъ двѣ главнѣйшія цѣли, которыя были указаны Деллиемъ въ его представленіяхъ Академіи о необходимости снаряженія экспедиціи, именно: наблюденіе прохожденія Меркурія чрезъ солнце и проверка картъ и извѣстій, собранныхъ при разысканіяхъ пути въ Азію чрезъ Сѣверный Океанъ, не были достигнуты. По всѣмъ признакамъ замѣтно, что Деллиа не мало озабочивало

(*) Сличи Словарь Бант. Каменскаго, II, 420, СПб. 1847 г. и Записки Геогр. Общества за 1857 г. кн. XII, стр. 868, 372; Tobольскіи губернскія вѣдомости, 1857 г., часть неоф. № 22, стр. 406 — 408. Извѣстія о различныхъ мнѣніяхъ касательно мѣста погребенія кн. Меншикова можно найти въ С.-Петербургскихъ Вѣдом. 1868 г. № 68. Последняя статья принадлежит г. Шубинскому.

(**) Яковъ Гонтковскій, полякъ, былъ сосланъ въ Березовъ за то, что служилъ шпиономъ прусскому королю въ 1761 году, когда русскія войска находились въ предѣлахъ Пруссіи, и надѣялся получить отъ Фридриха II енискошество. Д. гос. арх.

это, и потому онъ, еще въ бытность свою въ Березовѣ, писалъ подробно въ Петербургъ, какъ о неудавшемся астрономическомъ наблюденіи, такъ и о причинахъ, побудившихъ его оставить намѣреніе отправиться къ берегамъ Сѣвернаго Океана. Письма по этому предмету Делиль послалъ не только къ тогдашнему президенту Академіи Наукъ, барону Корфу, но и къ гр. Остерману, Артемію Петровичу Волинскому и Гроссу, бывшему въ началѣ академикомъ, а потомъ состоявшему при Остерманѣ (*).

«Я прибылъ, писалъ Делиль къ барону Корфу 1¹/₂ мая 1740 г., въ Березовъ 9²⁰ апрѣля за двѣнадцать дней до прохожденія Меркурія чрезъ солнце, что мнѣ не казалось слишкомъ долгимъ, во-первыхъ для того, чтобы немного отдохнуть послѣ такого длиннаго и утомительнаго путешествія, во-вторыхъ, чтобы поправить разстройство моихъ инструментовъ, которые не вынимались изъ ящиковъ отъ самаго Петербурга, а между тѣмъ въ дорогѣ подвергались сильнымъ толчкамъ; наконецъ въ-третьихъ, чтобы начать повѣрку моихъ часовъ съ маятниками для предполагаемаго наблюденія Меркурія. Даже если бы и не было этихъ причинъ для остановки въ Березовѣ, то во всякомъ случаѣ мнѣ было невозможно ѣхать далѣе, какъ по причинѣ дурныхъ дорогъ, такъ и по недостатку лошадей. Эти животныя съ трудомъ могли добраться до Березова за недостаткомъ кормовъ. При дальнѣйшихъ зимнихъ переездахъ

(*) Делиль писалъ также изъ Березова къ французскому посланнику при русскомъ дворѣ, маркизу де-ля-Шетарди, и благодарилъ его за *soins et avances, mises en tablettes*, которыя были даны имъ академику въ дорогу. «Трудно, пишетъ между прочимъ послѣдній, сообщить вашему превосходительству о странах, которыя я проѣхалъ. Все, что могу сказать, состоитъ въ томъ, что и нашея географію этой части Россіи болѣе привлекательною на бумагахъ, чѣмъ въ дѣйствительности. Правда, что я видѣлъ ее въ зимнее время, всю покрытую снѣгами и льдами; но когда покажутся земли и воды, то города и жилища не будутъ отъ того выстроены лучше, а народы не сдѣлаются чѣмъ либо иными, кромѣ русскихъ, чтобы не сказать хуже, т. е. чтобы не назвать другихъ народами, находящимися подъ русскимъ владычествомъ, какъ то: черемисовъ, вотяковъ, чувашей, вогулчей и остяковъ, худшихъ изъ всѣхъ. Я прилагаюсь къ нимъ попристанать на свободу, при моемъ возвращеніи, которое послѣдуетъ какъ только можно скорѣе. По наводненію, бывающія здѣсь отъ талія снѣговъ и льдовъ, грозятъ удержать меня здѣсь мѣсяцъ или два. Тогда придется пожалуй, путешествовать по вебу съ моими инструментами; но я еще дорожу землею....»

употребляютъ оленей и собакъ; ихъ закладываютъ въ длинныя и столь непрочныя сани, что они могутъ поднимать лишь небольшія тяжести. Какъ только показали намъ сани, которыя были приготовлены для нашего путешествія, то мы тотчасъ же убѣдились въ невозможности воспользоваться ими и, слѣдовательно, въ необходимости остаться въ Березовѣ. Впрочемъ офицеръ, который ѣхалъ впереди насъ, и съ которымъ не было никакихъ тяжестей, имѣлъ, согласно даннымъ ему приказаніямъ, возможность доѣхать до Обдорска и даже до устьевъ Оби. Но одинъ разсказъ его объ этой поѣздкѣ, по возвращеніи оттуда, приводитъ меня въ содраганіе, когда я объ этомъ подумую.»

«Когда мы проѣзжали черезъ Тобольскъ, то, въ силу имѣемыхъ у насъ повелѣній, просили губернатора прислать намъ, тотчасъ по вскрытіи Оби, суда, какъ для перевозки насъ въ Тобольскъ, такъ и для поѣздки къ устью этой рѣки у моря, потому что лѣтомъ, кромѣ водяныхъ, здѣсь нѣтъ никакихъ путей сообщенія. Но мы тогда не знали, что эта огромная рѣка очень опасна, когда ѣхать по ней на дощаникахъ, которые будутъ широка и присланы изъ Тобольска и которые русскіе употребляютъ на обыкновенныхъ рѣкахъ. Между тѣмъ, морскіе офицеры, спускавшіеся нѣсколько лѣтъ тому назадъ по Оби къ устью ея, велѣли нарочно для того постронть особыя суда, которыхъ теперь нѣтъ въ Тобольскѣ, такъ какъ они перевезены на Енисей. Поэтому мы воспользуемся дощаниками, которыхъ ждемъ изъ Тобольска, только для того, чтобы вернуть съ туда, какъ можно скорѣе.

Къ Волинскому (*) и гр. Остерману Делля писалъ

(*) Къ Волинскому же сохранилось одно письмо спутника Делля, майора Салтанова, такого содержанія: Премного милостивый и милосердый государь и отецъ Артемій Петровичъ! Всепокорнѣйше вашему высокопревосходительству доношу: прибыли мы и съ г. Деллемъ въ Березовъ апрѣля 9 дня, гдѣ принуждены были остановитца, понеже для трудности пути ѣхать было никакъ невозможно; къ тому жъ и инструменты многіе повредились. И для того сдѣлали на пустой избѣ обсерваторію и починили сколько возможно тѣ инструменты. И по сіе число сочинили нѣсколько обсервацийъ разныхъ, какъ для лонгитуды, такъ латитуды чрезъ разные свѣтъи, а Меркуриевой видѣть счастья не имѣли. Премного милостивый и милосердый государь и отецъ вашего высокопревосходительства всепокорнѣйшій слуга Семёнъ Салтановъ. Изъ Березова мая 11 дня 1740 г. Р. С. При семъ всепокорнѣйше прошу, чтобъ оставшіе послѣ г. профессора Бархварсона въ его домѣ и во академіи (морской) книги и писмы приказать до моего пріѣзду собрать, отчего я надѣюсь не малой быть пользы.

совершенно одинаково. Описавъ неудачу при наблюденіи прохожденія Меркурія, астрономъ прибавлялъ: «ваше превосходительство можете лучше, чѣмъ кто либо судить о неудовольствіи, возбужденномъ во мнѣ такою неудачею; но по истинѣ могу завѣрить васъ, что здѣсь дѣло шло менѣе о моемъ удовольствіи, чѣмъ о чести русской націи, такъ какъ я сильно желалъ показать иностранцамъ, что способна совершить эта нація для успѣховъ наукъ, когда въ главѣ управленія ея находится такой великій покровитель наукъ и ученыхъ, какъ ваше превосходительство. Но отъ этой неудачи теряетъ только астрономія; вся же Европа, которая тѣмъ интересуется, узнаетъ, съ какимъ великодушіемъ ваше превосходительство покровительствовали моему представленію, нмѣвшему цѣлю сколько успѣхъ астрономіи, столько же и честь націи.»

Академикъ В. Я. Струве писалъ въ 1847 году, что «Делиль, во время своего путешествія, за 107 лѣтъ передъ сямъ, употреблялъ для опредѣленія долготъ способъ, который мы теперь считаемъ самымъ точнымъ и самымъ удобнымъ для пунктовъ, весьма отдаленныхъ одинъ отъ другаго — способъ, который вошелъ въ общее употребленіе въ послѣднія двадцать лѣтъ.» Объ этомъ-то способѣ Делиль сообщалъ подробности въ письмѣ отъ $\frac{7}{13}$ іюля 1740 г. къ графу Головину, президенту адмиралтействъ коллегіи, изучавшему мореходство за границею, и потому болѣе понимавшему важность этого предмета:

«Мои другія наблюденія (т. е. кромѣ прохожденія Меркурія) въ Березовѣ главнѣйше состояли въ опредѣленіи долготы этого мѣста посредствомъ новаго способа, который я предположилъ испытать, и на это слѣдуетъ смотрѣть, какъ на одинъ изъ плодовъ моего путешествія. Вашему превосходительству извѣстны главнѣйшія попытки, которыя до сихъ поръ дѣлались для опредѣленія долготъ. Правда, что преимущественно желали найти вѣрный и легкій способъ опредѣлять ихъ на морѣ всякій разъ, когда это потребуется. Но если астрономія должна когда либо услужить этимъ способомъ мореплаванію, то прежде всего слѣдуетъ начать съ опытовъ на сушѣ. Ваше превосходительство знаете, что до сихъ поръ на сушѣ не сыскали еще спосо-

ба, посредствомъ котораго опредѣлялся бы долготы столь часто, сколько этого пожелаешь. Донынѣ, для этого слѣдовало ожидать затмѣній луны или спутниковъ Юпитера. Впрочемъ найденъ еще способъ пользоваться въ этомъ случаѣ солнечными затмѣніями и покрывіемъ планетъ и неподвижныхъ звѣздъ луною; но подобныя наблюденія слишкомъ рѣдки и трудны. То, что теперь требуютъ и предлагаютъ, безъ примѣненія однако на дѣлѣ, заключается въ опредѣленіи долготы по наблюденіямъ луны каждый разъ, какъ она показывается на небѣ, и производить это даже безъ помощи соотвѣтственныхъ наблюденій. Эти два предмета имѣлъ я въ виду при моей поѣздкѣ и думаю, что достигъ цѣли. Такимъ образомъ ваше превосходительство увидите, что я вскорѣ могу имѣть право на премію, предложенную англичанами, голландцами и французами за открытіе опредѣлять долготы. Мнѣ неизвѣстно, обѣщала ли также что нибудь Россія за подобное открытіе. Въ ожиданіи извѣстія о томъ, мнѣ слѣдуетъ довольствоваться пользою, которую окажетъ это открытіе успѣхамъ географіи Россіи, потому что ваше превосходительство сами разсудите, что, если можно будетъ опредѣлять на сушѣ долготы посредствомъ луны, когда только того пожелаешь, то весьма легко получить въ короткій срокъ долготы всѣхъ главныхъ русскихъ городовъ, чтобы достаточно исправить всѣ карты имперіи. Для этого только надобно будетъ научить практикѣ астрономическихъ наблюденій довольно количество геодезистовъ, или учениковъ математики, и потомъ разослать ихъ по разнымъ областямъ Россіи съ необходимыми при такихъ наблюденіяхъ инструментами, о чемъ, кажется, и думали, когда мнѣ придали въ путешествіе учителя Салтанова и математическихъ учениковъ. Но существуетъ огромная разница между способами, преподаваемыми въ трактатахъ мореплаванія даже объ измѣреніи высоты полюса и о производствѣ наблюденій помощію морскихъ инструментовъ, и приемами, которые употребляютъ астрономы на сушѣ съ инструментами, совершенно отличными и со всѣмъ съ полною точностью, которой достигать на морѣ было бы очень желательно. Я началъ обучать, пользуясь взятыми со мною инструментами, преподавателя Салтанова и находящихся при немъ учениковъ, и стараюсь

преимущественно объяснить имъ разницу такихъ наблюдений отъ производимыхъ на морѣ. Даже самые трактаты о сферической и теоретической астрономіи, т. е. свѣдѣнія, почерпнутыя изъ этихъ наукъ, должны быть излагаемы различно, смотря по примѣненію ихъ къ морскому дѣлу (*la marine et la navigation*), или же къ астрономіи и географіи. При пользованіи астрономіею для географіи слѣдуетъ не только умѣть хорошо выводить долготы и широты изъ наблюдений и пр., но также необходимо сверхъ того умѣть впередъ предсказывать явленія, служащія къ ихъ опредѣленію, а когда наблюденія произведены, то ихъ вычислить—это значить требовать довольно обширныхъ свѣдѣній въ астрономіи и въ пользованіи таблицами, предложенными для облегченія вычислений и составленія эфемеридъ. Послѣдними мореплаватели также должны пользоваться, но иначе, чѣмъ астрономы. Всѣ эти причины приводятъ меня къ убѣжденію въ настоятельной потребности къ составленію, для пользы русскаго народа, астрономическаго руководства, преимущественно практическаго. Оно могло бы дать возможность русскимъ молодымъ людямъ производить всѣ астрономическія наблюденія, не только полезныя для географіи, но также и для изученія вообще астрономіи. Ваше превосходительство можете повѣрить, что мнѣ нельзя написать этого сочиненія въ продолженіе моего путешествія. Я только успѣлъ составить планъ и отдѣлать нѣкоторую часть; окончить же его буду въ состояніи въ Петербургѣ, при пособіи всѣхъ моихъ книгъ и бумагъ. Что касается до лицъ, посланныхъ со мною, и которымъ я преподаю все вышесказанное, насколько это возможно при переездахъ, то я убѣдился, что это будетъ напрасный трудъ для г. Салтанова, не потому, чтобы онъ былъ менѣе понятливъ, чѣмъ ученики его, но отъ того, что въ его лѣта, съ привычкою съ давнихъ временъ преподавать трактаты, которые онъ изучилъ подъ руководствомъ г. Фергюсона (*), онъ уже не въ силахъ болѣе приняться за работу, которая требуетъ постоянныхъ упражненій и, слѣдо-

(*) Фергюсонъ, англійскій математикъ, вызванный въ Россію Петромъ Великимъ. Въ первой половинѣ XVIII в. наши моряки всѣ были ему обязаны своими познаніями въ математикѣ. Въ вышеприведенномъ письмѣ къ Волынскому, Салтановъ называетъ его Бархварсонъ. См. выше стр. 27.

вательно, требуетъ людей способныхъ къ нимъ—такимъ, какими могутъ быть молодые люди, нарочно къ тому подготовленные и не отвлекаемые другими занятіями»....

Въ письмѣ къ Гроссу, о которомъ замѣчено выше, Делиль (1¹/₂ мая 1740 г.) распространяется объ этомъ же предметѣ.

«Въ Березовѣ я былъ въ состояніи устроить небольшую обсерваторію и приступить къ повѣркѣ моихъ часовъ съ маятниками прежде прохожденія Меркурія чрезъ кругъ солнца; но тучи лишили меня удовольствія видѣть, до какой степени было справедливо мое предсказаніе. Въ то утро, солнце показалось по прошествіи болѣе чѣмъ часа послѣ того, какъ Меркурій долженъ былъ навѣрное пройти чрезъ кругъ его.... Впослѣдствіи мы узнали, что въ Обдорскѣ, также какъ и въ Березовѣ, въ назначенное время небо было закрыто тучами. Въ предшествовавшій день и во всю ночь дулъ въ этихъ мѣстахъ чрезвычайный сильный вѣтеръ и шелъ снѣгъ, который пересталъ только утромъ, послѣ того, какъ было надобно производить наблюденіе. Это заставляетъ предполагать, что это соединеніе планеты съ солнцемъ принесло дурную погоду, и что въ другой разъ не слѣдуетъ довольствоваться одними астрономическими численіями, но прежде чѣмъ предпринимать такую дальнюю поѣздку въ надеждѣ на ясное небо, совѣтываться также съ астрологическими предсказаніями (*). Какъ бы то ни было, это наблюденіе не было единственною цѣлью путешествія, и я съ тѣмъ болѣе стараніемъ принялся за наблюденія другаго рода, какія возможно было дѣлать, чтобы съ болѣею пользою употребить сдѣланныя на путешествіе издержки и совершенно оправдать благосклонное расположеніе и виды великихъ покровителей, которыхъ науки имѣютъ въ Россіи. Думаю, что въ этомъ я успѣлъ болѣе, чѣмъ предполагалъ сначала, и это побудило меня взять смѣлость писать частнымъ образомъ къ его превосходительству графу Остерману и другимъ двумъ министрамъ Кабинета. Предметъ довольно важенъ, потому что

(*) Отсюда видно, что нашъ астрономъ не былъ чуждъ астрологическихъ предразсудковъ, или, крайней мѣрѣ, показывалъ видъ, что вѣритъ имъ. Ср. Записки Геогр. Общ. III, 1849, стр. 65.

касается того, чтобы необходимы для исправленія всѣхъ картъ Россіи астрономическія наблюденія долготъ получать въ срокъ, гораздо кратчайшій противъ того, въ который могли это дѣлать донинѣ. Вы знаете, милостивый государь, что я взялъ съ собою въ путешествіе новый инструментъ, сдѣланный въ Англіи, и которымъ меня ссудилъ г. оберъ-гофмейстеръ графъ Левенвольде (*). Этотъ инструментъ предназначался только для по-вѣрки часовъ карманныхъ и съ маятниками по солнцу, которое наблюдается отъ времени до времени въ полдень. Но, замѣтивъ, что этотъ же самый инструментъ могъ служить для наблюденій прохожденія луны и всѣхъ звѣздъ чрезъ меридіанъ, я догадался, что во время путешествія имъ можно удобно пользоваться для опредѣленія долготъ по наблюденіямъ надъ луною и при томъ во всякое время, не ожидая затмѣній спутниковъ Юпитера, солнца, луны, или другихъ какихъ нибудь покрытій (*ou d'autres occultations quelconques*), которыми пользовались до сихъ поръ въ этомъ случаѣ, и которыя слишкомъ рѣдки, чтобы удовлетворять потребностямъ такой обширной имперіи. Оставалось только испытать, до какой степени точности могли достигать съ этимъ инструментомъ астрономическія опредѣленія долготъ, къ чему я и приступилъ въ Березовѣ и имѣлъ удовольствіе убѣдиться, что инструментъ очень удовлетворителенъ. Если сдѣлать въ немъ нѣкоторыя измѣненія, что я не премину сдѣлать по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, то ничего не останется желать лучшаго для предполагаемой цѣли» . . .

Когда путешественники были готовы къ отъѣзду изъ Березова, то мѣстныя власти, по русскому обычаю, прислали имъ на дорогу множество припасовъ, скромныхъ и постныхъ пироговъ, хлѣба, нива и т. п. «Наконецъ, писалъ Делиль къ своей женѣ, мы выѣхали изъ этого города 2 іюня (по н. ст.). Когда отвалили отъ берега, то у насъ сдѣлали знакъ изъ всей нашей артиллеріи въ знакъ прощанія съ Березовымъ, который

(*) Инструментъ Левенвольде, по свидѣтельству В. Я. Струве, «былъ ничто иное, какъ пассажныи снарядъ съ тремя вертикальными нитями въ фокусѣ и съ уровнемъ съ воздушнымъ пузырькомъ, вѣроятно, работы знаменитаго Грегга въ Лондонѣ. . . Употребленіе пассажнаго инструмента, устроеннаго, какъ меридіанная труба, кромѣ Англіи, сдѣлалось общимъ послѣ 1760 года.» Записки Геогр. Общ. III, 1849, стр. 60.

не думаемъ снова увидать скоро. Такъ какъ я узналъ, что гг. Миллеръ и Гмелинъ (академики, бывшіе въ другой сибирской экспедиціи) должны пріѣхать въ Березовъ, то я поручилъ воеводѣ не трогать обсерваторіи до ихъ пріѣзда и показать имъ тамъ мою записку, привязанную на доскѣ, на которой я начертилъ меридіанъ. Въ запискѣ я просилъ ихъ повѣрить свои компасы, чтобы видѣть, найдутъ ли онѣ то же склоненіе, какое замѣтилъ я въ своемъ. Я имѣлъ счастье достать въ Березовѣ мамонтову кость, подаренную мнѣ воеводою, также приобрести покупкою нѣсколько зубовъ этого изумительнаго животнаго. Одинъ изъ этихъ зубовъ сохранился не вполне, но вѣсѣтъ болѣе ста ливровъ и въ діаметрѣ болѣе, чѣмъ полъ фута. Воевода же подарилъ мнѣ живаго, хорошенькаго звѣрка, котораго надѣюсь довести до Петербурга — это маленькій самецъ, по русски горностаѣй. Я никогда не видѣлъ такого рѣзваго животнаго: бѣлки ничто въ сравненіи съ нимъ. Его надо привязывать, безъ чего онъ потеряется. Я нашелъ удобное помѣщеніе ему въ одномъ изъ мопхъ мѣховыхъ чулковъ (*chausson*), гдѣ звѣрекъ проводитъ почти весь день въ спаньѣ. Впрочемъ онъ на столько сдѣлался ручнымъ, что уже играетъ со мною; питается же только сырою рыбою и преимущественно щукою. У него животъ и лапки бѣлой и мягкой шерсти, какъ у всѣхъ горностаевъ, кончикъ хвоста, какъ вы знаете, чернѣйшій; спина и верхняя часть головы теперь красноватая, но говорятъ, что зимою онѣ будутъ совсѣмъ бѣлыя. Хотя этотъ горностаѣй очень невеликъ, однако храбръ и неустрашимъ: не боится самыхъ большихъ въ сравненіи съ нимъ животныхъ, отъ которыхъ въ состояніи защищаться своею ловкостью. Попался онъ довольно удивительнымъ случаемъ: его схватилъ воронъ и поднялъ уже на воздухъ, гдѣ горностаѣй такъ удачно вступилъ въ борьбу, что впѣпился ворону въ горло, задушилъ его и упалъ, не покидая своей добычи, въ барку, которая плыла по рѣкѣ»....

Переѣздъ до Тобольска экспедиція совершила сначала вверхъ по Оби, а потомъ по Иртышу на дощаникѣ, или осетринѣ. «Это, писалъ Делия къ женѣ, большое, длинное и плоское судно такихъ размѣровъ, что въ немъ можно было устроить для меня собственно комнату въ 13 футовъ длины и въ 10 ширины. Тамъ

у меня довольно мѣста для двухъ столовъ, постели, лавокъ и моихъ сундуковъ; все неудобство только въ томъ, что высота потолка сдѣлана на вашъ ростъ, и, не наклонивъ головы, мнѣ нельзя стоять. Всѣ остальные имѣютъ соответствующія помѣщенія . . . (Слѣдуетъ за тѣмъ подробное описаніе всѣхъ припасовъ, которые взяты изъ Березова путешественниками въ большомъ количествѣ, потому что переѣздъ былъ долгій). Плаваніе до сихъ поръ (писано не въ далекомъ отъ Демьяновскаго яма на Иртышѣ) было очень счастливо, и оно не можетъ быть опасно на такомъ суднѣ, какъ наше. Какъ бы оно ни шло, въ немъ такъ покойно, что не замѣчаешь вовсе его хода, и я могу, сидя за своимъ столомъ, писать и дѣлать вычисленія, какъ будто въ Петербургѣ. Въ такомъ скучномъ плаваніи, для меня было величайшимъ удовольствіемъ то, что я могъ быть одинъ и работать въ моей комнатѣ надъ вычисленіями. Мишель (Грѣньягъ) все это время былъ занятъ переводами бумагъ моей канцеляріи, а г. Кёнигсфельдъ—рисованіемъ и составленіемъ замѣтокъ, составляемыхъ имъ о нашемъ путешествіи. Что же касается до русскихъ, принадлежащихъ къ нашему обществу, то, я думаю, они проводятъ время только въ снѣнѣ.

«Для сплава нашего судна изъ Березова, отпущено съ нами тридцать пять казаковъ: изъ нихъ одна половина работаетъ, а другая отдыхаетъ, чтобы не останавливаться ни днемъ, ни ночью.

«У насъ на суднѣ, на всякій случай, есть парусъ и весла; по рѣкѣ, гдѣ она не очень глубока, плынуть при помощи шестовъ, но чаще всего люди тянутъ бичевой по берегу, а когда это невозможно, то судно подвигается при помощи каната, прикрѣпленнаго къ якорю. Послѣдній крѣпко закидывается на дно, и его необходимо вынимать каждый разъ для переноски далѣе. Этими различными способами мы, въ одиннадцать дней, достигли Самаровскаго яма, гдѣ простояли только два дня. Однако я велѣлъ устроить на небольшомъ возвышеніи обсерваторію, гдѣ насъ ужасно беспокоили комары. Забавно было смотрѣть на эту, сдѣланную изъ роговъ обсерваторію: въ ней было поставлено три горшка съ лошадинымъ пометомъ, который жгли, чтобы отгонять комаровъ дымомъ. Только при помощи подобныхъ

курпльницъ (cassolettes), стоявшихъ у насъ подъ носомъ во время наблюденій, мы могли оставаться тамъ (*)... Комары не перестаютъ жестоко насъ мучить на дошанкѣ и днемъ и ночью. При первомъ проѣздѣ чрезъ Тобольскъ, насъ предупредили о томъ, почему каждый запасся тамъ чѣмъ-то въ родѣ женскаго головнаго убора (d'une espèce de baignolette), который покупается какъ мужчинами, такъ и женщинами. Уборъ этотъ спереди закрывается сѣткою изъ конскаго волоса, что препятствуетъ комарамъ кусать вамъ лицо. Сквозь нея достаточно видно, чтобы ходить, читать и писать; если на руки надѣть еще перчатки, то можно противостоять комарамъ, но чрезвычайно неудобно долго оставаться въ такомъ одѣяніи во время самыхъ сильныхъ лѣтнихъ жаровъ и быть вынуждену проводить въ немъ и ночь.»

У Самарова Делиллъ встрѣтилъ вторично адъютанта нашей Академіи Фишера (**), который впоследствии издалъ «Sibirische Geschichte» 1768, переведенную и по русски 1774, и оставилъ въ рукописи Historisch geographisches Lexicon von Sibirien и Noctes petropolitanae. Онъ былъ командированъ въ другую ученую экспедицію, которая, какъ уже было замѣчено, давно была въ Сибиря и состояла изъ членовъ петербургской Академіи Наукъ. Изъ послѣднихъ брать нашего астронома, Людовикъ Делиллъ де-ла-Кройеръ въ это путешествіе даже женился въ Сибиря. Выѣстъ съ Фишеромъ ѣхала родная сестра также упомянутой выше, графини Саити, Анастасья Петровна, рожденная Татаринова, вдова Петрова (о немъ см. выше стр. 12). Ее Кёнигсфельдъ въ своемъ дневникѣ называетъ la belle

(*) Въ дневникѣ Кёнигсфельда подъ 2 іюнемъ находятся слѣдующія подробности о наблюденіяхъ въ этой обсерваторіи: «вечеромъ, г. профессоръ Делиллъ взялъ тамъ высоту солнца, а на слѣдующій день утромъ продолжали дѣлать соотвѣтственные наблюденія и въ тоже время опредѣляли истинный часъ полуночи. 3 іюня мы наблюдали высоту солнца = 37°, 25', 30" и, по вычисленіи, нашли, что высота полюса = 60°, 56', 15". Около полуночи хотѣли было при помощи англійскаго инструмента взять высоту Арктура и его прохожденіе чрезъ меридіанъ, при помощи англійскаго инструмента, но погода стояла облачная.»

(**) Въ первый разъ они встрѣтились въ мартѣ 1740 г. на дорогѣ изъ Москвы къ Тобольску.

województwo, и отъ нея-то Делиль узналъ, что брать его женатъ также на Татариновой, двоюродной теткѣ двухъ предъидущихъ (*).

За русской деревнею Сленкиной (Slenkina), начинаютъ нападаться татары. 21 юня ввечеру, Кёнигсфельдъ отправился въ лодкѣ къ лѣтнимъ кочевьямъ карымскихъ татаръ (aux jurtes tartares karimski), съ намѣреніемъ посмотрѣть ихъ кибитки, тѣмъ болѣе, что въ тотъ день было ихъ воскресенье, т. е. пятница. Приѣхавъ на берегъ, путешественники увидѣли празднество у одного богатаго татарина. Въ первой комнатѣ, похожей на амфитеатръ, находилось пять татарскихъ женщинъ и дѣвушекъ, одѣтыхъ въ различныя шерстяныя матеріи голубыя съ цвѣтами; на головахъ же были разноцвѣтныя шапки (bonnets de diverses couleurs). Выходя, онѣ внимательно осматривали чужеземцевъ, что дѣлали и тѣ съ своей стороны. Женщины и дѣвушки носятъ подъ длинными платьями широкія шаравары, спускающіяся до пятокъ. У мужчинъ подъ шапками зеленныя или фолетовыя тибетейки, которыя ни передъ кѣмъ не снимаютъ. Татары спокойно занимались куреніемъ табаку изъ маленькихъ мѣдныхъ трубокъ. Какъ женщины, такъ и мужчины пили напитокъ, приготовленный съ небольшою примѣсью водки, что противно основному постановленію магометанскаго закона. Когда солнце сѣло, то наступилъ у нихъ часъ молитвы. Кёнигсфельду хотѣлось при томъ присутствовать, но мечеть была по ту сторону рѣки въ зимнихъ карымскихъ юртахъ, почему татары принуждены были отправить моленіе частнымъ образомъ. Абызъ (**), или татарскій священникъ (sic), началъ съ того, что сталъ на колѣни на берегу Иртыша лицомъ къ Югу. Поднявшись потомъ, онъ прочелъ нѣсколько молитвъ, опять сталъ на колѣни, наконецъ палъ ницъ на землю и нѣкоторое время оставался въ такомъ положеніи.

(*) Изъ разсказовъ Анытасы Петровны Петровой видно, что отецъ ихъ Петръ Ивановичъ Татаринъ былъ секретаремъ въ Иркутскѣ; младшая дочь его, Улита Петровна была замужемъ за Иваномъ Степановичемъ Свистуновымъ, бывшимъ въ кавказской экспедиціи съ капитаномъ Шпанбергомъ, а которая вышла за гр. Санти въ 1788 г. въ Иркутскѣ, а не въ Москвѣ, какъ было записано прежде у Делиля (см. выше стр. 12).

(**) О словѣ Абызъ см. акад. Вельяминова-Зарнова Исслѣд. о каспійскихъ царяхъ, II, 445.

Къ этому абызѣ присоединился другой татаринъ, хозяинъ дома, куда всѣ были приглашены. Вотъ какъ онъ приготовился къ молитвѣ: подошелъ къ берегу рѣки, развязалъ свои широкія шаравары, вымылъ себѣ заднюю часть тѣла, руки, лицо и потомъ приблизился къ первому для молитвы. Оба сбросили свои туфли за нѣсколько шаговъ отъ себя и стали молиться въ однихъ сапогахъ изъ бычачьей кожи, безъ каблуковъ, съ покрытыми головами. Болѣе получаса длилась эта молитва съ особеннымъ благоговѣніемъ, не смотря на то, что иноземцы окружали ихъ. Кёнигсфельду показалось, что абыза часто повторялъ *Ieschowa Ellay*, что значитъ *Kyrie Elleison* мой, или аминь. Они произносили и тогда, когда стояли другъ противъ друга на колѣняхъ, одинъ, обращенный къ Сѣверу съ руками, опущенными внизъ, другой — къ Югу, съ поднятыми вверхъ. Между тѣмъ женщины, которыя никогда не смѣютъ входить въ мечети, молялись въ домѣ отдѣльно. Онѣ выходятъ замужъ, когда достигаютъ тринадцати лѣтъ. Если родится дочь, то ей тотчасъ же дается имя. Мальчики обрѣзываются пяти лѣтъ; впрочемъ этотъ обрядъ можетъ быть отлагаетъ и до пятнадцатилѣтняго возраста. Если они умираютъ необрѣзанными ранѣе этого возраста, то считаются еще спасенными, но отлагать далѣе и умереть необрѣзаннымъ есть грѣхъ, и такой человекъ никогда не попадетъ въ рай Магомета. Вообще татары очень гостепріимны и разговорчивы. Изъ всѣхъ ихъ, по замѣчанію Кёнигсфельда, тобольскіе наиболѣе вѣжливы и образованны.

Делиль также видѣлъ издали моленіе татаръ и, какъ истый католикъ, стало быть охотникъ до пропаганды, дѣлаетъ при томъ такія размышленія: «я издали съ нашей барки смотрѣлъ на муллу и чрезвычайно огорчался ослѣпленію этихъ бѣдныхъ людей. Въ тайнѣ мнѣ было также жаль Россію, что она лишена еще возможности обратить въ христіанство столько подвластныхъ ей народовъ. Татары были коренные обитатели этой страны и владѣли ею, когда русскіе сюда проникли. Главнымъ городомъ у нихъ былъ *Sibir*, который повидимому далъ имя всей Сибири. Это мѣсто теперь разрушено и находится въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Tobolska, на правомъ берегу Иртыша»...

23 іюня, въ 2 часа по полудни, Делиль съ своими спутни-

ками достигъ Тобольска, пробывъ въ дорогѣ изъ Березова одинъ мѣсяцъ и двадцать часовъ.

Путешественники поднялись въ замокъ по лѣстницѣ въ 270 ступеней, съ площадками и скамейками. Она выстроена въ высокой горѣ, по распоряженію князя Черкаскаго, министра кабинета, бывшаго прежде губернаторомъ въ Тобольскѣ. Делпль, посѣтилъ губернатора Бутурлина, осматривалъ потомъ замокъ, столько же прекрасный, сколько и обширный. Надъ могилою митрополита Антонія уже былъ сооруженъ памятникъ. Оттуда путешественники пошли смотрѣть колодезь, вырытый въ горѣ шведскими военнопленными по составленному ими же плану. Ледъ тамъ держался даже среди лѣта, и путешественники выдѣли одно ведро замерзнувшимъ, такъ что его трудно было вытянуть вверхъ. Машина состояла изъ колеса, приводимаго въ движеніе, изъ вала и двухъ колесъ, которые попеременно поднимаютъ ведры. Покойный митрополитъ заставлялъ медвѣдей вертѣть первое колесо.

24 іюня въ полдень было наблюдаемо разстояніе солнца отъ зенита; помощію четверти круга (квадранта), оно найдено равнымъ 35° , $7'$, $30''$, изъ чего была вычислена высота полюса въ Тобольскѣ и найдена $= 58^{\circ}$, $12'$, $34''$, что совершенно согласовалось съ наблюденіемъ Делпля де-ла-Кройера, сдѣланнымъ въ 1733 и 34 годахъ: разница между меридіанами Петербурга и Тобольска была имъ найдена $= 2$ часамъ, $32'$, $0''$.

26 іюня путешественники окончательно перебрались съ дощаника на квартиры. Онѣ были имъ указаны тобольскимъ полицеймейстеромъ Иваномъ Ивановичемъ Строевымъ. «Онъ прежде былъ, по словамъ Кёнигсфельда, придворнымъ мундшенкомъ (*échançon de la cour*), но потомъ его послали сюда, вслѣдствіе прикосновенности къ одному дѣлу. По добротѣ губернатора, Строеву дана должность полицеймейстера» (*). Хи-

(*) Въ первые годы царствованія Анны Іоанновны, по распоряженію ея, производилось дознаніе о мундшенкѣ Строевѣ, заподозрѣнномъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Дворомъ цесаревны Елизаветы Петровны. Строевъ показывалъ въ тайной канцеляріи, что цесаревна крестила у него дѣтей, почему онъ и ходилъ къ ней во дворецъ на поклонъ. Сверхъ того, ему былъ короткой пріятель пѣвчій изъ малороссовъ Яковъ Тарасевичъ, который пользовался одно время расположеніемъ цесаревны. Въ тайной канцеляріи допытывались

рургъ Гольцъ показывалъ Кёнигсфельду школу, основанную въ Тобольскѣ шведскими плѣнными. Здѣсь молодежь обучалась чтенію, письму, арифметикѣ, началамъ геометріи и ружейнымъ приёмамъ. Кёнигсфельдъ нашёлъ пикетъ, составленный изъ солдатъ-школьниковъ, и цѣлую гвардію съ барабаномъ, но съ деревянными ружьями и алебардами. Недалеко отъ школы видѣлся мостъ чрезъ рѣку Курдюмку. Жители Тобольска вѣрили, что пьющіе воду изъ этой рѣки усваиваютъ себѣ всѣ свойства сибиряковъ (?).

30 іюня, путешественники посѣтили преосвященнаго Іоаннікія, который послѣ смерти митрополита Антонія занялъ его мѣсто. Этотъ духовный прекрасно принималъ гостей и показывалъ имъ свою бібліотеку. Въ ней было болѣе ста томовъ всякаго рода книгъ историческихъ и богословскихъ, всѣ рукописныхъ русскихъ и нѣсколько печатныхъ экземпляровъ на славянскомъ языкѣ, также множество волюмовъ рукописей, содержащихъ въ себѣ жизнеописанія нѣкоторыхъ русскихъ святыхъ. Потомъ хозяинъ провелъ гостей чрезъ садъ къ паперти (авенюе) соборной церкви, гдѣ хранился, по словамъ его, рогъ мамонта. Дѣйствительно, кость была такъ велика, что скорѣе походила на рогъ, чѣмъ на зубъ; тамъ же находилось множество другихъ костей этого животнаго необычайной величины. Кёнигсфельдъ не видалъ ни клыковъ, ни роговъ на головѣ его скелета, но на верхней челюсти замѣтилъ зубныя ячейки, гдѣ надлежало быть зубамъ, подобно тому, какъ они бываютъ у слоновъ-самцовъ. Тамъ же хранилась цѣлая голова съ широкіею челюстью и коренными зубами, находившимися въ ихъ ячеекахъ. Деллиа думалъ, что эта голова должна принадлежать гипопотаму, такъ какъ была очень мала сравнительно съ остальными костями. Впрочемъ съ виду она очень походила на слоновью посредственной величины. Наконецъ, тамъ же путешественники видѣли рога и кости буйвола, ссылающаго въ Сибирь за величайшую рѣдкость. На оштукатуренной

отъ Строева о разговорахъ его и пѣвчаго, когда они бывали вмѣстѣ съ царевною. Хотя его и наказывали батогами, однако онъ ничего не открылъ, и его послали въ ссылку въ Тобольскъ въ декабрѣ 1734 г. Во время правленія Анны Леопольдовны, именно 18 ноября 1740 г., Строевъ былъ возвращенъ изъ Сибири.

стѣнѣ наперть храма была изображена вся карта св. земли, въ большихъ размѣрахъ и раскрашенная различными красками. Этотъ родъ живописи есть сибирскія фрески, которыя производили, по словамъ Кёнигсфельда, прекрасный эффектъ. При прощаніи, любознательный духовный рассказаль, что въ 1739 году, одинъ сибирскій купецъ, по имени Fugla (?), нашель въ окрестностяхъ Енисейска цѣлую голову мамонта, изумительной величины. Этотъ человекъ былъ извѣстенъ тогдашнему Тобольску своею чрезвычайною сплюю, потому что боролся однажды съ бѣлымъ медвѣдемъ, схватившимъ его, когда онъ черпалъ воду. Этотъ сибирскій геркулесъ убилъ медвѣдя, снялъ съ него кожу и показывалъ ее бывшему губернатору Плещееву. Однако разъяренное животное успѣло, прежде чѣмъ купецъ опомнился, вырвать у него мягкія части тѣла позади (les fesses). Кёнигсфельдъ нѣсколько разъ потомъ бывалъ у Іоаникія. Такъ 2 іюля, онъ приподнесъ ему карту театра военныхъ дѣйствій съ Турціею и описаніе на русскомъ языкѣ всеобщихъ часовъ Исаака Брюкнера. Подарки эти были приняты съ признательностью, и, въ оплату за нихъ, Кёнигсфельдъ получилъ китайскаго чая. Іоаникій просилъ привезти ему Ньютонову трубу, чтобы посмотрѣть на луну и спутниковъ Юпитера, о которыхъ онъ слышалъ, но которыхъ никогда не имѣлъ случая видѣть. Кёнигсфельдъ не могъ показать ему планетъ за облачнымъ небомъ, но за то возилъ въ монастырь грегорианскую земную трубу. Въ нее, къ величайшему удовольствію благодушнаго старика, видны были ясно многія отдаленныя мѣста за Тобольскомъ.

Въ продолженіи іюля и до половины августа, жары въ Тобольскѣ были такъ сильны, что Кёнигсфельдъ потерялъ во все охоту къ ѣдѣ и питался однимъ китайскимъ чаемъ, который здѣсь былъ превосходный. По случаю жаровъ, лавки въ городѣ открывались только по окончаніи вечера: послѣ обѣда, съ 11 часовъ утра до 3 пополудни, всѣ жители за исключеніемъ слугъ отдыхали (faisoient la méridienne). Кёнигсфельдъ ходилъ къ одному купцу, имѣвшему значительный торгъ съ китаицами на русской границѣ въ Кяхтѣ. У него былъ хорошій запасъ китайскаго фарфора, также китайская живопись на бу-

магѣ, столь тонкой, что ее можно было принять за газъ. Ода картина была четыре аршина въ длину и три — въ ширину и изображала аудіенцію калмыцкихъ хановъ у китайскаго императора. Первые были нарисованы колѣнопреклоненными и съ опущенными внизъ глазами. Съ обѣихъ сторонъ стояли придворные и мандарины, а около ступеней трона музыканты богдыхана. Кромѣ того, купецъ показывалъ разныя китайскія вещи, состоявшія частію изъ картинъ, частію изъ фарфора и вещей изъ позолоченной мѣди.

6 іюля, Кеннгсфельдъ съ нѣкоторыми изъ своихъ спутниковъ, ѣздилъ въ Заболоцкъ, или Абалацкъ, мѣсто жительства знаменитаго татарина, по имени Абала, имѣвшаго свое войско, а потомъ въ старую Сибирку. Первое мѣсто расположено на Сѣверо-Востокѣ на горахъ, идущихъ отъ самого Тобольска. Тамъ была большая каменная церковь, построенная четверугольникомъ съ четырьмя куполами; позади ея, на площади, необнесенной палисадами, стоялъ домъ, гдѣ содержались подъ стражею нѣкоторые заключенные.... На этомъ мѣстѣ еще виднѣлись кое какія развалины стариннаго татарскаго городка, построеннаго древними ханами изъ рода Кучума, также множество могилъ и глиняныхъ обломковъ. Вблизи отсюда, внизу яра, впадаетъ въ Иртышъ рѣка Старая Сибирка, отъ которой прежде, по мнѣнію Кеннгсфельда, получилъ городъ свое названіе. Рѣка эта не велика, но берега ея возвышаются отъ 30 до 40 тоазовъ.

8 іюля, въ Тобольскѣ былъ праздникъ св. Прокопія. Главная церемонія состояла въ церковномъ ходѣ, въ которомъ носили вокругъ замка иконы богородицы и другихъ святыхъ, со множествомъ зажженныхъ свѣчъ. Эта же самая икона, 6 іюля утромъ, была уже носима съ величайшимъ благоговѣніемъ и въ сопровожденіи многихъ тысячъ людей въ Преображенское село, въ трехъ верстахъ отъ Абалацка. Здѣсь образъ оставался всю ночь и была отправлена заутреня. Количество находившихся при томъ женщинъ и дѣвушекъ, разодѣтыхъ въ шелкъ и нарумяженныхъ, было такъ велико, что Кеннгсфельдъ считалъ, что на сто мушкетъ приходилось по крайней мѣрѣ тысяча

женщинъ. Это мѣсто было рѣшительно сборищемъ всего Тобольска. Тоже самое происходило и въ Ивановскомъ монастырѣ, въ семи верстахъ отъ Тобольска, гдѣ провела ночь икона богородицы на 7 іюля и гдѣ забавлялись тѣ, которые ее сопровождали. 8 числа, въ восемь часовъ утра, таже икона была принесена въ соборъ на носилкахъ почетнѣйшими изъ тобольскихъ жителей. Въ полдень, женщины и дѣвушки веселились на зелени близъ земляныхъ укрѣпленій Тобольска.

Кёнигсфельдъ успѣлъ познакомиться съ однимъ человѣкомъ, жившимъ долгое время въ Иркутскѣ и Якутскѣ. Человѣкъ этотъ былъ любознателенъ и имѣлъ потому свѣдѣнія о тамошнихъ народахъ и ихъ прорипателяхъ шампахъ. Онъ, между прочимъ освѣдомлялся у инородцевъ, вѣрятъ ли они въ какого нибудь Бога и почему поклоняются шайтану? На первый вопросъ одинъ шаманъ отвѣчалъ, что имъ очень хорошо извѣстно о существованіи Бога, и они признаютъ его таковымъ, но не оставляютъ поклоненія шайтану изъ опасенія, чтобы онъ, согласно своимъ угрозамъ, не губилъ ихъ быковъ, лошадей, барановъ и всѣхъ домашнихъ животныхъ. Онъ является имъ всегда съ однимъ глазомъ, на тотъ конецъ, какъ говорить онъ имъ, чтобы ихъ не обманулъ какой нибудь человѣкъ. За тѣмъ, на вопросъ шаману: почему два существа Богъ и шайтанъ не могутъ жить вмѣстѣ? тотъ отвѣчалъ, что онъ объ этомъ спроситъ шайтана, и потомъ передастъ слѣдующее повѣствованіе: Богъ находится прѣвыше солнца, луны и звѣздъ, тамъ, гдѣ нѣтъ воздуха. Шайтану не могло нравиться величіе божіе, и онъ во всемъ противорѣчилъ ему, почему и былъ сосланъ на землю, въ срединѣ которой живетъ и старается, для своего удовольствія, привлекать къ себѣ людей и показывать свою власть, когда приносятъ ему жертвы.

Обряды жертвоприношенія шайтану, или дьяволу, заключаются въ слѣдующемъ: якуты ловятъ разъяреннаго быка, связываютъ у него ремнями только переднія и заднія ноги, также шею, и потомъ оставляютъ его въ покоѣ. Тогда шаманъ начинаетъ ударять въ цимбалы и произносить нѣсколько словъ тихимъ голосомъ. Быкъ вдругъ начинаетъ протягивать ноги и видно явственно, что онъ у него переломлены,

и онъ падаетъ на землю, гдѣ и остается въ продолженіи полу-
часа. Его осматриваютъ, точно ли онъ умеръ и потомъ рѣ-
шаютъ, была ли угодна жертва шайтану? Когда привоенный
въ жертву быкъ умираетъ скоро, то жертвоприносители подхо-
дятъ и сдираютъ съ него шкуру, которую и вѣшаютъ у своей
юрты на приготовленной для того жерди. Мясо съѣдается при-
сутствующими при обрядѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ распивается при-
несенная водка. По окончаніи ѣды, начинаются предсказанія
шамана, потому, какъ якуты полагаютъ, что шайтанъ лучше
расположенъ послѣ жертвы. Это происходитъ такимъ образомъ:
разводятъ большой огонь подъ самымъ входомъ въ юрту, а
между тѣмъ, какъ якуты занимаются этимъ, шаманъ одѣвается
въ платье, все покрытое желѣзками (de feraille) и, послѣ силь-
наго ударенія въ цимбалъ, провозноситъ нѣсколько таинствен-
ныхъ словъ тихимъ и хриплымъ голосомъ. Немного времени
спустя, шаманъ устремляется съ своимъ цимбаломъ вонъ изъ
юрты чрезъ входъ, скачетъ съ цимбаломъ въ рукѣ, ударяя по
немъ, до тѣхъ поръ, пока не падаетъ въ огонь, который па-
литъ его снизу. Тогда окружающіе якуты, а также собравшіеся
для узнанія будущаго вопрошаютъ изступленнаго шамана и вы-
таскиваютъ его изъ огня, иначе онъ бы долженъ былъ непре-
мѣнно сгорѣть. «Изъ этого, прибавляетъ наивно Кёнигсфельдъ,
можно видѣть хитрость дьявола и то, какъ мучитъ онъ этихъ
несчастныхъ, ослѣвленныхъ идолопоклонниковъ.» То же лицо
серьезно рассказывало потомъ Кёнигсфельду, что не только
мужчины, но и старыя женщины принимаютъ участіе въ та-
кихъ колдовствахъ. Однажды рассказчикъ видѣлъ одну изъ та-
кихъ шаманихъ (названіе это стоитъ и во французской рукопи-
си) или колдуней, ѣхавшую верхомъ на большомъ быкѣ. Ея во-
лосы черные, какъ уголь, были заплетены въ косы и въ нихъ
она вплела еще лошадиный хвостъ. Вся она сверху до низу бы-
ла разукрашена мѣдными кольцами и погремушками на палецъ
другъ отъ друга. Шаманиха вошла въ юрту, гдѣ остано-
вилось нѣсколько русскихъ купцовъ, и была прекрасно принята
находившимися тамъ якутами. Тотчасъ развели побольше огня
въ комелькѣ и рассказчикъ, приблизившись къ колдунѣ, спра-
шивалъ ее, что случится съ нимъ въ будущемъ? Она предска-

зала то, что потомъ дѣйствительно исполнилось, именно, что море ему принесетъ очень много горя, однако онъ не погибнетъ, хотя съ другой стороны подвергнется многимъ напастьямъ. Все это, по простодушному вѣрованію разскащика, точно съ нимъ и случилось. Когда наступила ночь, то шаманиха разлеглась на постланной на землѣ соломенной рогожѣ, съ намѣреніемъ отдохнуть. Когда всѣ заснули, то она принялась кричать такъ страшно, что всѣ вообразили, что реветъ самъ дьяволъ, и пришли отъ того въ ужасъ. Между тѣмъ колдунья, какъ стрѣла изъ лука, кинулась на своего быка, поскакала прочь съ быстротою вѣтра и въ одно мгновеніе пропала изъ глазъ всѣхъ присутствующихъ.

Кёнигсфельдъ сошелся также въ Tobolskъ съ однимъ татаринѣмъ Габисъ-Алимомъ. Слово алима, по объясненію нашего путешественника, значитъ *ransophos*, т. е. человѣкъ, владѣющій всѣми знаніями. Многіе изъ татаръ носятъ такой громкій титулъ. Ученый татаринъ толковалъ Кёнигсфельду разныя подробности, касающіяся татарскаго языка, и списалъ многія мѣста изъ рукописей, которыми ссужалъ путешественника. Послѣдній угощалъ его *basim* (?) и чаемъ, приготовленнымъ по татарски. Однажды солнце уже сѣло, и поздно было Алиму отправляться въ мечеть, которая была довольно далеко. Однако это не помѣшало ему совершить вечернюю молитву; вставъ на ступени задняго крыльца дома, гдѣ жилъ Кёнигсфельдъ, онъ обратился лицомъ къ полудню и благоговѣнно молился, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что иноземецъ смотрѣлъ и любовался на почтеннаго старика съ сѣдою бородою. Въ другой разъ, онъ принесъ ему въ подарокъ арабскую рукопись въ четверку, заключающую въ себѣ дѣянія нашего Спасителя. Онъ ее передалъ, какъ очень любопытную, потому что узналъ, что Кёнигсфельдъ его же (т. е. Спасителя) вѣры, т. е. христіанинъ. У этого старика была еще другая интересная рукопись: въ ней излагалась татарская астрономія, съ раскрашенными буквами и изображеніями, и было нѣчто о теченіи времени. Но хозяинъ цѣнилъ ее очень дорого, почему Кёнигсфельдъ и былъ лишенъ возможности приобрести ее. Впрочемъ эта рукопись попала въ хорошія руки—ее купилъ Делиль. Касательно

содержанія книги Аллимъ рассказывалъ, что по татарскому счисленію міръ существовалъ прежде Адама 620.960 лѣтъ, и что съ Адама до нашего времени прошло около 7000 лѣтъ, что довольно согласуется съ русскимъ счисленіемъ, или скорѣе греческимъ, ибо, замѣчаетъ Кёнигсфельдъ, греки считаютъ 7248 лѣтъ со времени сотворенія свѣта.

Подъ 16 іюлемъ у Кёнигсфельда записано: «вчера распространился слухъ, что княгиня Долгорукова, рожденная графиня Шереметьева, прибыла на дощаникъ къ Сургуту въ семи верстахъ отъ Тобольска. Всѣ знатнѣйшія дамы отправились въ посылкахъ (en chaises) и каретахъ на встрѣчу, чтобы проводить ее до города; но княгиня, принявъ ихъ привѣтствія, рѣшилась лучше остаться на своемъ дощаникѣ и пріѣхать въ Тобольскъ на слѣдующее утро въ 2 часа. Здѣсь она остановилась, и день былъ проведенъ въ отдачѣ посѣщеній». Это извѣстіе въ томъ отношеніи любопытно, что опровергаетъ свѣдѣнія всѣхъ печатныхъ сказаній о княгинѣ Натальѣ Борисовнѣ, оставившей записки о своихъ несчастіяхъ, что будто бы она возвращена изъ Березова только послѣ восшествія на престолъ императрицы Елисаветы. Теперь оказывается, что она получила свободу еще при жизни Анны Іоанновны. Дѣйствительно за подписаніемъ этой государыни сохранилось слѣдующее повелѣніе:

«Указъ въ нашу тайную канцелярію. Всемплостивѣйше пожаловали мы князь Ивана Алексѣева сына Долгорукова жену съ дѣтьми и со всѣми ея пожитками указали (sic) отнустить въ домъ къ брату ея и повелѣваемъ нашей тайной канцеляріи учинить по сему нашему указу. Анна. Апрѣля 26 дня 1740 года».

Милость эту къ княгинѣ Натальѣ Борисовнѣ слѣдуетъ приписать только вліянію братьевъ ея, графовъ Шереметьевыхъ, извѣстныхъ своею знатностью и богатствами, потому что и послѣ ея освобожденія гоненія на Долгоруковыхъ не прекратились. Послѣ казни фаворита императора Петра II князя Ивана Алексѣевича Долгорукова остались братья и сестры. Самый младшій изъ нихъ кн. Алексѣй оставался въ 1740 г. въ Березовѣ вмѣстѣ съ сестрами. 23 сентября того же

года, согласно мѣнію Остермана и Ушакова, было представлено императрицѣ Аннѣ: сейчасъ помянутаго князя Алексѣя написать въ матросы въ камчатскую экспедицію, а сестеръ его Екатерину, Елену и Анну послать въ дальніе сибирскіе монастыри и тамъ постричь. Что касается до двухъ старшихъ братьевъ ихъ, князей Александра и Николая, которые содержались подъ стражею въ Вологдѣ, то они были приговорены — первый за то, что въ разговорѣ съ братомъ кн. Иваномъ называлъ императрицу шведкою и т. п., а второй за недонесеніе о томъ (*),—къ наказанію кнутомъ, вырѣзанію языковъ въ Тобольскѣ и потомъ къ ссылкѣ на работы перваго въ Камчатку, а втораго въ Охотскъ. 23 октября того же года, Биронъ велѣлъ Ушакову, для помилованія императрицы Анны Іоанновны, помиловать этихъ Долгоруковыхъ и ограничиться ссылкой ихъ въ предназначенныя мѣста. Однако, 19 января 1741 г., тобольская губернская канцелярія и сержантъ преображенскаго полка Федоръ Козловъ донесли, что уже князьямъ «помянутое наказанье кнутомъ, со урѣзаніемъ языковъ, учинено до полученія указа о нечиненіи имъ наказанья»...

Обращаясь къ занятіямъ нашихъ путешественниковъ въ Тобольскѣ, выписываемъ слѣдующее мѣсто изъ письма Делиля къ женѣ отъ $\frac{7}{18}$ іюля: «первые дни нашего пребыванія здѣсь прошли въ однихъ обѣдахъ у губернатора и другихъ знакомыхъ, пріобрѣтенныхъ нами въ первый нашъ проѣздъ черезъ Тобольскъ. Впрочемъ, для нихъ не были нами пренебрежены разспысканія и разсмотрѣніе дѣлъ, что я обязанъ дѣлать въ тобольской губернской канцеляріи. Городъ этотъ есть столица всей Сибири. По просьбѣ моей о сообщеніи мнѣ всѣхъ находящихся тамъ картъ и записокъ, онѣ были доставлены. Картъ немного, и хотя я ихъ всѣ почти знаю, однако составилъ точный и обстоятельный каталогъ имъ, для образца тѣмъ, которые предполагаю завести по всѣмъ канцеляріямъ главныхъ городовъ сибирскихъ губерній, гдѣ можно будетъ найти географическія карты и записки. Изъ такихъ каталоговъ можно бу-

(*) Ср. Чтенія Москв. Общества исторіи 1864 г. книга 1, Смѣсь, стр. 1—7: «Показаніе князя Ив. Долгорукова и мѣніе о томъ Тайной канцеляріи».

детъ потомъ видѣть, есть ли въ тѣхъ мѣстахъ какія карты, которыхъ нѣтъ въ Петербургѣ. Касательно же записокъ для географіи, я, просмотрѣвъ безъ пользы каталогъ всѣхъ находящихся въ тобольской канцеляріи статей, отыскалъ только довольно объемистый волюмъ, съ отвѣтами изъ разныхъ мѣстъ на вопросы, предложенные за пять лѣтъ предъ симъ г. Татищевымъ объ исторіи, географіи и другихъ разныхъ предметахъ. Такъ какъ было бы долго списывать вполнѣ всѣ эти отвѣты, то я ограничился только тѣми изъ нихъ, которыя преимущественно касаются географіи... Слава Богу, мы всѣ здоровы, и хотя не имѣемъ никакихъ извѣстій о томъ, что происходитъ въ Петербургѣ и во всемъ остальномъ свѣтѣ, однако тѣмъ не менѣе довольны, вручаемъ себя вполнѣ провидѣнію Божию и надѣемся доказать, что не дурно употребляли свое время»...

23 іюля, ученая экспедиція отправилась изъ Tobolska въ возвратный путь тою же дорогою, которою проѣзжала она зимою. Дорога въ лѣтнюю пору представляла гораздо болѣе затрудненій отъ частыхъ переправъ чрезъ рѣки и отъ громадности поѣзда (въ двадцать пять экипажей, запряженныхъ каждый въ три или четыре лошади). Въ Верхотурѣ, послѣднемъ, по словамъ Кёнигсфельда, сибирскомъ городѣ на ихъ пути — путешественники были 2 августа. Здѣсь ихъ посѣтилъ Корсакъ (Korsikof), сосланный съ женою, полькою, и очень хорошенькою. Онъ содержался въ Верхотурѣ, а не въ Tobolskѣ, потому что туда былъ сосланъ его шуринь Потемкинъ — оба они несли наказаніе за соучастіе въ дѣлѣ князя Черкаскаго (*).

(*) О пинахъ этого Черкаскаго есть манифестъ въ Полн. собраніи законовъ т. IX, № 6647, отъ 16 ноября 1734 г. Тамъ, между прочимъ, сказано: «бывшій въ Смоленскѣ губернаторъ, князь Александръ Андреевъ, сынъ Черкасской, забывъ страхъ божій, присяжную свою должность и не памятуя многіа показанія паче его заслугъ наши императорскія къ нему милости, и что мы его изъ никакого ранга въ камергеры, дѣйствительные статскіе совѣтники и въ губернаторы въ вышнемуемую губернію всемогущественнѣе произвели, — противу насъ и нашего государства збѣо тяжкіе и напастивѣйшіе измѣническіе и возмутительные умыслы безсовѣстно имѣвъ и оныя въ дѣйство произвестъ искалъ. И для того не токмо смоленскаго шляхтича Федора Милашевича къ тому своему злодѣйственному умыслу присовокупилъ, но и чрезъ нарочное его въ зарубежныя краи отправленіе измѣническую корреспонденцію и пересылку содержаъ. И дабы въ той его корреспонденціи ему

Этотъ Корсакъ говорилъ немного по латини, былъ очень недурень собою и чрезвычайно вѣжливъ. 4 августа, Делиль и его спутники, переѣзжали высокую и трудную гору — Павдинскій камень. На нее надобно было подниматься 12 верстъ и потомъ столько же спускаться съ нея. «Такъ какъ ночь была свѣтлая, то я, говорить при этомъ случаѣ Кёнигсфельдъ, разсматривалъ не только плоскія мѣста (*les plages du monde*), но также и эти высокія горы, которыя, подобно высокимъ стѣнамъ, тянутся отъ Сѣвера къ Западу въ прямомъ направленіи и такъ далеко, какъ можетъ видѣть глазъ. Согласно донесенію геодезиста Казимирова, эти горы, какъ у Березова, прошли

вѣще повѣрено было, того ради подложно въ оной объявлять, будто бы съ нимъ, Черкасскимъ, въ томъ его измѣнитическомъ намѣреніи нѣкоторые изъ знатныхъ смоленской шляхты согласіе имѣли... Да онъ же, князь Александръ Черкасскій, сверхъ вышеписаннаго, по многихъ продерзости и непростойныхъ словахъ, по показанію на него шурина его, смоленскаго шляхтича Семена Корсака и жены его, поручика Ивана Аршеневскаго и домоваго его, Черкаскаго, управителя Александра Пребышевскаго — изобличенъ и самъ въ томъ винился... По этому «указали лишить князя Черкаскаго всѣхъ чиновъ, и недвижимое его имѣніе отобрать, послать въ ссылку въ Сибирь въ Джигатайское зимовье на вѣчное житье. А вышеописанныхъ Семена Корсака съ женою, Ивана Аршеневскаго, Александра Пребышевскаго, за то, что они, слышать отъ Черкаскаго злыя и важныя непростойныя слова, а о томъ гдѣ надлежало, до свѣдѣнія оного дѣла, по присяжной своей должности, не доносили, послать ихъ въ ссылку въ Сибирь въ разные города»...

Вообще въ манифестѣ не сочтено нужнымъ разъяснить подробности этого дѣла, но о томъ сохранились извѣстія въ бумагахъ Государственнаго Архива. Милашевичъ, какъ самъ признался впоследствии, много являлъ напрасныхъ обвиненій. Въ Польшѣ онъ принялъ католичество, женился на полькѣ и отправился съ разными тайными предложеніями къ претендентамъ престоловъ русскаго и польскаго — къ герцогу Голштинскому и Станиславу Ленцбургскому. За границею, Милашевичъ, испытывъ разные неудачи, рѣшился сдѣлать доносъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Онъ писалъ изъ Гамбурга въ сентябрѣ 1733 года, что кн. Александръ Черкасскій далъ ему отъ себя 300 рублей на побѣдку въ Киль къ герцогу голштинскому съ письмомъ и говорилъ въ Смоленскѣ: «нынѣ у насъ въ Россіи честными людьми никакъ жить не возможно; паче же кои получили другихъ разумыють, тѣ весьма въ краткомъ времени пропадаютъ. Да и про себя онъ, князь Черкасскій, объявилъ, что онъ по такой же причинѣ въ Смоленскѣ губернаторомъ опредѣляеть, что ваше императорское величество (писалъ Милашевичъ къ государынѣ) къ нему высочайшую свою милость со отбѣною отъ другихъ оказывать изволили, которое г. оберъ-камергеру графу Бирону не очень пріятно видѣть было, того ради будто онъ, губернаторъ, отъ двора и отлученъ. А особливо за тѣмъ, дабы кто гораздо больше другихъ смыслить, при дворѣ не были, а простыхъ, что ничего не знаютъ, держутъ. И разсуждая о семъ послѣдѣдокъ говорить, что мнѣ по такимъ вымышленнымъ въ Россіи происход-

позади Обдорска и тянутся до самаго сѣвернаго берега и тамъ соединяются. Съ южной стороны, онѣ сходятся на Кавказѣ и простираются до Каспійскаго моря. Отсюда видно, что сама природа отдѣлила Европу отъ Азіи этою цѣпью высокихъ горъ. Онѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кажутся синеватыми облаками и на пространствахъ 80—120 верстъ виднѣются надъ вершинами лѣсовъ. Поэтому я не понимаю, какимъ образомъ нѣкоторые географы могли продолжить границы Европы до р. Оби, а другіе, напротивъ, сократить ихъ до р. Камы. Я держусь мнѣнія тѣхъ, которые Европу доводятъ до Верхотурскихъ горъ: чрезъ нихъ было намъ такъ трудно перебраться, и онѣ, какъ будто бы созданы природою для того, чтобы заграждать европейцамъ проходъ въ Азію.

Какъ только экспедиція вступила во владѣнія барона Строганова, то, согласно его распоряженіямъ, путешественниковъ начали принимать съ особеннымъ радушіемъ и услужливостью. 8 августа, они прибыли въ Новое Усолъе, гдѣ строгановскимъ прикащикомъ, Григорьемъ Григорьевичемъ Жигилинымъ тотчасъ же были отведены всѣмъ удобныя помѣщенія. «Онъ, писалъ Делия къ женѣ, распорядился о доставленіи мнѣ всѣхъ удобствъ, какъ въ отношеніи кухни, такъ и моихъ наблюденій. Нѣтъ недостатка ни въ какихъ рабочихъ, ни въ матеріалахъ, которыхъ я требую. Намъ также дано достаточное количество

цѣмъ контингурамъ счастья ни малаго сыскать никакимъ образомъ невозможно... Всѣмъ обладали курляндцы, отъ которыхъ уже намъ тошно стало... Въ Голштиніи (продолжалъ Черкасской) имѣется одинъ принцъ, никудъ блаженный и вѣчнодостойный памяти его императорскаго величества Петра Перваго, который истинный насажденникъ российской имперіи, и отдаить его отъ сего никакъ невозможно, и всѣ почитаютъ, что онъ то доставляетъ, и будто уже онъ, губернаторъ, ему, принцу, многихъ смелыхъ привелъ въ сущую вѣрность»... Семенъ Корсакъ, сестра котораго Анна была за мужемъ за кн. Черкасскимъ, показывалъ, что «слышалъ отъ послѣдняго о республикѣ польской: выхвалялъ, что то хорошо. Да и у насъ-де Долгорукіе хотѣли то сдѣлать, да не удалось. Развѣ-де что можетъ впредъ лучше этого сдѣлаться». Николай Денисьевъ Потемкинъ, родной братъ жены Корсака, Прасковьи, былъ управителемъ въ Горыгоркахъ и подозрѣвался въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ непріязненнымъ Россіи старостою Вѣльскимъ, Потоцкимъ. Въ современномъ докладѣ о немъ замѣчено: «а другихъ никакихъ по сему дѣлу важностей на него, Потемкина, не показано», почему поставлено: «послать его въ ссылку въ Сибирь въ Тобольскъ и опредѣлить тамъ къ дѣламъ, къ какимъ будетъ достоинъ». . . Что касается до князя Черкаскаго, то онъ былъ освобожденъ изъ ссылки, съ возвращеніемъ званія камергера, при вступленіи на престолъ Іоанна III, во время регентства Бирона, въ октябрѣ 1740 года.

служителей для всѣхъ возможныхъ надобностей. Съ утра присылаются припасы скоромные и постные, какіе только я пожелаю и сколько пожелаю. При этомъ у насъ изобиліе пива, меда, водки разныхъ сортовъ изъ винныхъ погребовъ барона. Наши три петербургскіе солдата и Матисъ (механикъ) не убереглись отъ того, чтобы хорошенько не напиться. Если было такъ удобно по части съѣстной, то я не менѣе доволенъ и касательно наблюдений, потому что могъ помѣстить всѣ мои инструменты во дворѣ занимаемаго мною дома, и мнѣ не нужно далеко ходить, чтобы пользоваться ими. Мишель (Грѣнигъ) и Кёнигсфельдъ, хотя живутъ довольно далеко, однако приходятъ помогать мнѣ по первому востребованію. Дурно въ нашемъ пребываніи здѣсь только то, что погода непостоянная: часто идутъ дожди, вѣтрено, выпадалъ даже снѣгъ»...

Дѣйствительно изъ дневника Кёнигсфельда видно, что во все пребываніе экспедиціи въ Новомъ-Усолѣ почти не было ни одной ночи, удобной для астрономическихъ наблюдений. Такимъ образомъ, предположенныя наблюденія затмѣній спутниковъ Юпитера не удалось. Только разъ, именно 23 августа въ 3 часа утра, Делиль имѣлъ возможность наблюдать вшествіе въ тѣнь перваго спутника Юпитера. Сверхъ того, 18 августа было наблюдаемо прохожденіе луны чрезъ меридіанъ по часамъ съ маятникомъ, бывшимъ съ Деллемъ, и высота луны. Ранѣе, именно 14 августа, было взято нѣсколько высотъ солнца. Разстояніе его отъ зенита было найдено $= 48^{\circ} 34' 0''$, откуда, по вычисленіямъ, высота полюса Новаго Усоля $= 59^{\circ} 32' 0''$. По картѣ земель барона Строганова, составленной геодезистомъ Молчановымъ, высота полюса этого мѣста опредѣлилась $59^{\circ} 19' 0''$.

Неудачи въ наблюденіяхъ понудили путешественниковъ покинуть гостепріимное Новое Усолѣ 2 сентября. Они отправились до Казани по Камѣ въ стругѣ (его Кёнигсфельдъ называетъ также ярославкою). «Это судно, писалъ Делиль къ жемѣ, не похоже на дошаникъ, на которомъ мы ѣхали изъ Березова и который я вамъ описалъ, рассказывая о нашемъ пути оттуда въ Тобольскъ. Стругъ, признанный нами удобѣйшимъ для перѣзда, долженъ былъ возвратиться въ Казань пустымъ. Мы

велѣли сдѣлать въ немъ комнаты для каждаго изъ насъ, съ постелями, столами, окошками и прочими удобствами для путешествія. Когда же хотѣли заплатить изъ казенныхъ денегъ рабочимъ и за употребленные на то матеріалы, то прикащикъ барона Строганова низачто не хотѣлъ ничего брать, отзываясь, что это было бы вопреки полученнымъ имъ приказаніямъ. Наканунѣ отъѣзда, онъ прислалъ къ намъ опись всѣмъ отпускаемымъ съ нами припасамъ съ цѣлью узнать, будетъ ли ихъ достаточно? Тутъ были поименованы: полъ-быка, живые бараны, индѣйки, огромное количество куръ, гусей и утокъ; садокъ съ живою рыбою, множество хлѣба всѣхъ сортовъ, также въ достаточномъ количествѣ разные напитки. Кромѣ того, прикащикъ завѣрилъ еще насъ, что мы будемъ получать въ дорогѣ все, что намъ ни понадобится. Это дѣйствительно исполняется до сихъ поръ, а между тѣмъ мы уже спустились внизъ по Камѣ болѣе чѣмъ на сто верстъ. На нашемъ стругѣ тридцать гребцовъ, которые переменяются при греблѣ, въ случаѣ противнаго вѣтра, и днемъ, и ночью».

«Прикащикъ барона Строганова сказывалъ мнѣ, что въ земляхъ его господина есть мѣсто на Камѣ, которое мы будемъ проѣзжать и на которомъ предположено прорыть каналъ, сколько для сокращенія пути, столько же и для избѣжанія поврежденій, иногда приключаящихся судамъ, когда они спускаются по Камѣ во время разлива. Я обѣщалъ осмотрѣть это мѣсто, когда поѣду мимо его, и обстоятельно донести о томъ барону Строганову по возвращеніи въ Москву. Я взялъ съ собою прикащика до той мѣстности и, послѣ осмотра, мы нашли ее удобною для канала, о чемъ сообщу подробности барону Строганову на чертежѣ. Для осмотра я принужденъ былъ ѣхать верхомъ, чего не случалось со мною съ тѣхъ поръ, какъ лишился своего бѣлаго коня. Мнѣ было пріятно попробовать, въ состояніи ли я сидѣть на лошади въ случаѣ надобности. Мой опытъ удался очень хорошо: въ два или три часа времени я сдѣлалъ болѣе десяти верстъ вскачь и на другой день не чувствовалъ себя болѣе усталымъ, чѣмъ обыкновенно (*)» . . .

(*) Изъ дневника Кёнигсфельда узнаемъ, что осмотрѣнное Делилемъ мѣсто находилось около Слутки, недалеко отъ Лодейнаго.

«Въ Ново-Усольѣ, продолжаетъ Делплъ въ письмѣ къ женѣ, мы велѣли сдѣлать большой флагъ, или знамя, бѣлое съ синимъ андреевскимъ крестомъ. Оно будетъ поднято на нашемъ суднѣ, какъ предназначенномъ на службу ея величеству. Мы сочли нужнымъ сдѣлать это для устрашенія грабителей, или разбойниковъ, съ которыми, какъ говорятъ, можно встрѣтиться на Волгѣ. Они не упускаютъ случая производить грабежи на купеческихъ судахъ, плавающихъ по этой рѣкѣ, подбѣзжаютъ къ нимъ на небольшихъ ладьяхъ, стараясь застать въ распλοхъ купцовъ и другихъ лицъ и крича издалика, какъ только можно ихъ слышать: «сарынь на кичку!» Эти слова условились они употреблять въ подобныхъ случаяхъ, и русскіе, управляющіе судами и услышавшіе ихъ, обязаны лечь на землю, безъ всякаго сопротивленія, иначе разбойники убиваютъ ихъ. Находящіеся на купеческихъ судахъ, не имѣя, по обыкновенію, никакого оружія, повинуются подобному приказанію. Но существуетъ повелѣніе Петра I защищаться, подъ страхомъ наказанія тому, кто не будетъ оказывать сопротивленія. Этимъ мы поддержимъ всѣхъ гребцовъ, которые насъ везутъ, и, въ случаѣ нужды, будемъ грозить даже швырнуть въ воду тѣхъ, кто не будетъ отбиваться при нападеніи. Мишель, гг. Кёнигсфельдъ и Грегорьевъ, для предупрежденія всякой нечеловѣчности, будутъ съ солдатами по ночамъ въ караулѣ; тогда весьма плохо придется разбойникамъ, если они вздумаютъ напасть на наше судно. У насъ есть порохъ и свинецъ для хорошей защиты: Мишель, Грегорьевъ, Кёнигсфельдъ, Матисъ и Шарль, не считая трехъ солдатъ, имѣютъ каждый отъ 30 до 40 выстрѣловъ, для которыхъ и заготовлены необходимые заряды. Они и тогда сильны, когда было бы разбойниковъ до ста человѣкъ, а между тѣмъ выстрѣ ихъ не бываетъ болѣе 15—20 человѣкъ. Наши въ состояніи воспрепятствовать имъ взойти на судно, очень высокое, а рабочіе могутъ защищать борты своими крючьями, или длинными шестами съ желѣзными и острыми наконечниками. Солдаты будутъ защищаться штыками, прижнутыми къ ихъ ружьямъ, и сверхъ того разбойники подвергнутся частымъ залпамъ изъ нашего огнестрѣльнаго оружія. Что касается до меня, то, обдумавъ о томъ, какъ долженъ

я поступать, полагаю, что благоразуміе требуетъ не быть на столько любознательнымъ, чтобы смотрѣть близко на сраженіе, но оставаться въ своей, крѣпко запертой каютѣ до тѣхъ поръ, пока который нибудь изъ этихъ разбойниковъ не пожелаетъ имѣть разможенной голову отъ академика. Если вынудитъ кто отворить дверь, то у меня къ его услугамъ пистолеты; также для того, кто за нимъ послѣдуетъ, наконецъ для всѣхъ, сколько бы ихъ ни было, лишь бы только давали они время заряжать мои пистолеты»...

9 сентября путешественники достигли безъ приключеній до села Бѣлевскаго, послѣдняго мѣста, принадлежавшаго барону Строганову. Отсюда въ дневникѣ Кѣнигсфельда начинаютъ попадаться рассказы о слѣдахъ, еще остававшихся по берегамъ Камы отъ бывшаго тамъ башкирскаго возмущенія. Недоѣзжая до города Осы, путники видѣли село Покровское, разоренное и сожженное башкирами въ 1737 году. Самый городъ Оса выстроенъ на возвышенной плоскости, версты двѣ въ окружности. За нею небольшой лѣсъ, откуда появившіеся въ 1737 году башкиры достигали даже городскихъ рогатокъ и нападали на городъ, но были отбиты гарнизономъ, состоявшимъ изъ 500 человекъ регулярнаго войска, все изъ казаковъ. Они храбро встрѣтили мятежниковъ ружейными и пушечными выстрѣлами, такъ что тѣ должны были бѣжать послѣ двухчасовой битвы. Ихъ, однако, не преслѣдовалъ начальникъ города князь Путятинъ, потому что у нихъ было болѣе двухъ тысячъ человекъ, а въ засадѣ за поминутымъ лѣсомъ находился еще отрядъ болѣе чѣмъ съ двумя тысячами лошадей, чѣмъ было известно казаками-развѣдчиками. Изъ Осы путешественникамъ данъ былъ конвой изъ казаковъ, вооруженныхъ луками, стрѣлами, протазанами и копьями. Около города видѣлись три висѣлицы, на которыхъ за два, за три года передъ тѣмъ было повѣшено до двадцати человекъ. По берегу Камы, внизъ отъ Осы встрѣтилась одна деревня, разграбленная разбойниками. Незадолго еще до проѣзда Делиля, имъ было привольно на Камѣ, по множеству какъ острововъ, такъ и лѣсовъ по берегамъ. Въ Сарapulѣ путникамъ рассказывали о башкирскихъ наѣздахъ, а потомъ, по вступленіи въ предѣлы уфимской провинціи, о томъ,

что башкиры продолжают рыскать по окрестностям. Это было причиною, что на стругѣ соблюдали всѣ возможные предосторожности въ ночное время. Однако все это не помѣшало Делилю производить отъ времени до времени наблюденія и давать уроки геодезистамъ, что онъ постоянно дѣлалъ и въ Толбоськѣ, а по выѣздѣ оттуда, продолжалъ въ Новомъ-Усольѣ.

16 августа, стругъ прибылъ въ село Устьинское, гдѣ оставался четырнадцать часовъ. «Надобно, говоритъ при этомъ случаѣ Кёнигсфельдъ, предупредить путешественниковъ, ѣдущихъ водою особенно въ осеннія ночи, что на половинѣ пути отъ Пянаго Бора, или въ 15 верстахъ отъ Устьинскаго (*), по правой сторонѣ Камы, есть острова называемые Лодейкины, гдѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, совершались частыя убійства, такъ какъ мѣста, которыя здѣсь надобно проѣзжать, наполнены разбойниками, едва пропускающими самые малые челноки. Берега перваго изъ этихъ острововъ — Лодейки — очень высоки; по срединѣ его пригорокъ, покрытый огромными деревьями, и съ него очень удобно наблюдать издалека. Здѣсь есть ходы, вырытые подъ землю, а также пещеры, въ которыхъ живутъ тѣ разбойники. Названіе Лодейки произошло отъ слова *ладья* что значить челнокъ, на который походитъ видомъ островъ. Такъ какъ путешественники проѣзжали его ночью, то у нихъ не было охоты сойти для осмотра тамошнихъ ходовъ и пещеръ. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ этихъ острововъ, на правомъ берегу Камы, живутъ грубые татары, называемые Устьинскіе (*les grossiers tartares nommés Usinski*).

17 сентября, за селомъ Витковымъ путешественники посѣщали Троицкій монастырь, построенный на мѣстѣ, прежде извѣстномъ подъ именемъ Чертова городища, въ тридцати верстахъ отъ села Рождественскаго. Тутъ видѣлись кое-какія развалины каменныхъ башенъ, числомъ до пяти, и старинная стѣна, въ окружности отъ 30 до 40 тоазовъ. По рассказамъ, въ старину здѣсь было капище татарскихъ (?) идоловъ, разо-

(*) «Или въ трехъ сумкахъ отъ Устьинскаго (*ou à 3 sumkas d'Usinskoi*)». Слово *sumka* или *sumka* попадаетъ у Кёнигсфельда при описаніи плаванія по Камѣ. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: 2 *sumka*, или 10 верстъ, въ другомъ — 8 *sumkas* или 40 верстъ и т. п.

ренное даремъ Иваномъ Васильевичемъ. Оно стояло на ручьѣ, впадающемъ въ Каму, которая здѣсь образуетъ два довольно большіе острова въ двѣ, три и даже болѣе версты. На правомъ берегу этой рѣки, напротивъ монастыря, въ разстояніи одной небольшой версты (*d'une petite verste*), лежитъ большое село Елабуга съ одною каменною и двумя деревянными церквами. Здѣсь идетъ значительный торгъ рыбою, которая ловится въ Камѣ. Путешественники проѣзжали мимо огромнаго количества небольшихъ лодокъ со множествомъ народа: между ними по рассказамъ, часто встрѣчались величайшіе негодяи.

Вечеромъ 18 сентября, стругъ присталъ къ селу Чистому Полю. Здѣсь, въ то время, какъ перемѣнили гребцовъ, взомель на стругъ какой-то неизвѣстный, довольно пьяный. На спросъ, кто онъ такой? получили въ отвѣтъ, что иконописецъ, хотя его скорѣе можно было принять за разбойника на большой дорогѣ. Потомъ узнали, что это былъ бѣглый, во второй уже разъ присылаемый казанскимъ губернаторомъ княземъ Голицынымъ расписывать вновь строящуюся въ селѣ церковь. По этому Кёнигсфельдъ счелъ его за шпіона и велѣлъ выпроводить со струга. Ночью, путешественникамъ слѣдовало проѣзжать ручей не болѣе 25 тоазовъ въ ширину. По берегамъ его росли густыя и большія деревья, почему было рѣшено остаться при оружіи во все продолженіе плаванія по этому проливу. На лѣвомъ берегу его, путешественники увидали большой костеръ и вокругъ него множество людей. Караульный на стругѣ смѣло опросилъ ихъ, что за люди? Отвѣчали, что рыбаки. Это мѣсто, по рассказамъ, было настоящимъ разбойничьимъ притономъ и убѣжищемъ грабителей. Весною 1740 года, они напали на священника въ селѣ Шуранѣ, въ сорока-пяти верстахъ отъ Чистаго Поля, сожгли тамъ нѣсколько человѣкъ и отняли до 300 рублей. Въ пригородѣ Лапшевѣ (19 сентября) путешественники видѣли укрѣпленія съ рогатками, деревянными башнями и бревенчатою стѣною. Ежегодно бывала здѣсь ярмарка, на которую съѣзжалось много негодяевъ и грабителей для закупки пороха и другихъ припасовъ. Тутъ-то и отыскивали ихъ, и попадавшихъ препровождали въ Казань для награжденія по заслугамъ.

Съ приближеніемъ къ Волгѣ, число гребцовъ на стругѣ было удвоено (вмѣсто 20—40 человѣкъ) для того, чтобы одна половина могла тянуть судно вдоль берега бичевою. 20 сентября изъ села Рождествена путешественники проѣзжали самое опасное относительно разбойниковъ мѣсто — Салтысской кабаки, около села Красновидова. «Мы, говорятъ Кёнигсфельдъ, на ночь удвоили наши посты вслѣдствіе нѣкоторыхъ опасеній отъ нападенія разбойниковъ, а вотъ почему. Тамъ, гдѣ мы перемѣняли гребцовъ, одинъ изъ нихъ спрашивалъ нашего кормчаго Варооломея (онъ отлично зналъ Каму и Волгу, потому что съ нами дѣлалъ сорокъ девятую поѣздку по этимъ рѣкамъ), сколько у насъ ружей? кормчій отвѣчалъ по правдѣ, что у насъ, несчитая ружей, которыя могли имѣть гребцы, было двадцать, да у солдатъ пять, что составляло двадцать пять выстрѣловъ. Въ сумерки ему пришелъ на умъ этотъ вопросъ, и такъ какъ онъ былъ честный человѣкъ, а судно было ввѣрено ему и его товарищу, другому кормщику, то онъ и сообщалъ о томъ мѣѣ. Это и побудило насъ принять предосторожности и быть на сторожѣ. Всю ночь, какъ обыкновенно, горѣлъ фонарь въ проходахъ, и у наждаго въ каютѣ стояла свѣча на столѣ; кромѣ того, мы легли въ постели совсѣмъ одѣтые, въ перевязяхъ и со шпатами на боку»....

22 сентября стругъ прошелъ мимо устья Казанки и бросилъ якорь на разстояніи одного лѣѣ (около 5 верстъ) отъ адмиралтейства: вода въ это время года была слишкомъ низка, почему и нельзя было подплыть къ самой Казани. Во время пребыванія своего въ этомъ городѣ, Делиль, дѣлалъ астрономическія наблюденія надъ Арктуромъ (α Bootis), также надъ входеніемъ перваго спутника въ тѣнь Юпитера (*l'immersion du premier satellite de **) и т. п.; продолжалъ давать уроки геодезистамъ и, наконецъ, посѣтилъ губернской архивъ для разысканія матеріаловъ, касающихся исторіи и географіи. Тамъ, между прочимъ, нашлась старинная карта, которой было около 150 лѣтъ: она изображала степь (*le desert*) между рѣкою Сокомъ. Въ томъ же архивѣ хранилось нѣсколько историческихъ извѣстій. Путешественники хотѣли было осмотрѣть архивъ архіерейской канцеляріи, но казанскій архіепископъ велѣлъ имъ

сказать, что тамъ ничего нѣтъ касающагося исторіи и географіи. Въ конторѣ адмиралтейства было много географическихъ чертежей и опись имъ была сообщена Делилю. Кахетинскій князь (le prince de Kaket), котораго посѣтилъ астромомъ, далъ ему для скопрованія карту своихъ владѣній. 3 октября, путешественники ѣздили осматривать Зилантовъ монастырь. Архимандритъ, родомъ малороссіянинъ, очень привѣтливый, показывалъ имъ мамонтову кость, подаренную потомъ архіепископомъ Делилю, и пещеру, гдѣ жилъ драконъ Зилантъ, что на языкѣ казанскихъ татаръ значитъ змѣй. Онъ изображается въ гербѣ казанскаго царства. Мѣстные жители рассказывали множество басенъ объ этомъ драконѣ, такъ напримѣръ, что онъ, ударяя лбомъ о стѣны и горы, опрокидывалъ ихъ; пожиралъ людей и животныхъ и, между прочимъ, въ древности истреблялъ цѣлыя татарскія орды. Чудовище, по этимъ рассказамъ, было страшное, и Кёнигсфельдъ срисовалъ его изображеніе, имѣвшееся у одного изъ его казанскихъ пріятелей.

«Видъ города издали, писалъ Делиль къ жемѣ, прекрасенъ, потому что въ немъ есть большія и высокія колокольни и другія каменныя зданія, но, за исключеніемъ ихъ, мѣсто оказывается предряннымъ. Что мнѣ всего болѣе здѣсь понравилось, такъ это мое знакомство съ архіепископомъ Лукою: онъ весьма хорошо говоритъ по латини, былъ въ Петербургѣ при кадетскомъ корпусѣ и очень любить науки. Въ Казани онъ основалъ академію или гимназію (*) и заботится о процвѣтаніи ея, на сколько это возможно. По приглашенію его, я отправился туда и былъ удивленъ, найди во всѣхъ классахъ до богословія и реторики по два, по три студента, которые привѣтствовали меня рѣчами, произнесенными на память по латини и по русски. Когда мнѣ была надобность, то архіепископъ присылалъ свою карету въ шесть лошадей, съ двумя денщиками, для разѣздовъ по городу и окрестностямъ. Онъ пригласилъ меня осмотрѣть его церковь, когда самъ отправлялъ въ ней торжественное богослуженіе (4 октября), въ память перваго архіепископа этого

(*) Архіепископъ Лука Конашевичъ, о которомъ говоритъ здѣсь Делиль, не учредилъ вновь, но только привезъ въ лучшее состояніе существовавшее до него духовное училище.

города (св. Гурія), скончавшагося за 180 лѣтъ передъ тѣмъ. Мы пріѣхали въ церковь въ его каретѣ, и насъ помѣстили такъ, чтобы мы могли видѣть всѣ обряды. Изъ сановниковъ, сопровождавшихъ его до архіерейскихъ палатъ, онъ однихъ насъ оставилъ обѣдать, а для окончанія этого дня, повезъ вечеромъ на свою дачу, чрезвычайно пріятную, гдѣ насъ встрѣтили залпомъ изъ девяти пушекъ»... «Дача эта, замѣчено въ дневникѣ Кёнигсфельда, называется Новымъ Іерусалимомъ и лежитъ въ четырехъ верстахъ отъ города. Мы тамъ нашли прекрасную каменную церковь съ разными строеніями и садомъ, который былъ очень запущенъ предмѣстникомъ архіепископа. При нашемъ прибытіи насъ встрѣтили девятью пушечными выстрѣлами, которые потомъ повторялись нѣсколько разъ. Мы потомъ вошли въ загородный домъ, обширный и окруженный галереею. На ней стояли малороссійскіе музыканты (*des musiciens czerkess* — извѣстно, что малороссовъ въ Великой Россіи называютъ черкасами), и исполнили концертъ, въ которомъ слышались разнородные голоса, что производило чудесное впечатлѣніе — эта музыка продолжалась далеко за полночь»....

Вообще, какъ изъ письма Делиля, такъ и изъ дневника Кёнигсфельда, видно, что Делиль съ казанскимъ іерархомъ разстался друзьями: первый подарилъ второму англійскую, ручную зрительную трубку, и въ замѣнъ получилъ мамонтову кость изъ Зилантова монастыря и моржевую кость (*le gosmar*) замѣчательную по своей величинѣ.

Делиль выѣхалъ изъ Казани 11 октября, и на пути къ Нижнему-Новгороду, Кёнигсфельдъ успѣлъ записать въ дневникъ нѣсколько подробностей о чувашахъ. Въ качествѣ неутомимаго наблюдателя не только небесныхъ свѣтилъ, но и земныхъ существъ, нашъ путешественникъ не пропускалъ случая дѣлать свои замѣчанія о прекрасномъ полѣ разныхъ народовъ. Такъ, говоря о чувашахъ, онъ рассказываетъ, что нѣкоторые изъ ихъ женщины очень красивы, разговорчивы, имѣютъ тонкія черты лица, стройный станъ и очень падки до сластей, за которыя готовы на всякія уступки. Одежда ихъ состоитъ изъ широкой и длинной рубашки, и унизанной копейками юбки съ покрываломъ, поднятымъ къ верху конусомъ (*qui*

s'élève en pointe comme un cornet d'épices). Опоясывались онѣ ткаными поясами, которыхъ два конца висятъ назадъ, украшенные кистями изъ разноцвѣтнаго стекляруса. Вообще онѣ показались Кёнигсфельду послѣ остячекъ чисто плотными, потому что ѣли хлѣбъ и соль, не употребляя въ пищу ничего сыраго. Мужчины хорошаго роста; у нихъ платье похоже на англійское (*leurs habits ont la forme de ceux des anglois?*) съ кушакомъ, висающимъ за спиною и отороченнымъ краснымъ. Ихъ обыкновенный напитокъ ангоеп дѣлается изъ смѣси въ равномъ количествѣ воды и кислаго молока. Татары и калмыки также употребляютъ этотъ напитокъ. Кромѣ того, у нихъ есть родъ бѣлаго пива — оно варится съ медомъ, и отъ него бываютъ чувашъ пьяны. Путешественники видѣли мѣсто, посвященное ихъ идоламъ: оно было окружено досками, и въ немъ имѣлось множество дубовъ съ растянутыми на нихъ разпыми кожами. Кёнигсфельдъ замѣтилъ также продолговатый столъ съ углубленіемъ или жертвенникомъ; около него чувашъ убиваютъ животныхъ, приносимыхъ въ жертву, жарятъ ихъ и упиваются, послѣ чего кожи развѣшиваются по деревьямъ — такъ справляютъ они свои праздники. Одинъ изъ нихъ бываетъ около того времени, когда у насъ пасха, а второй тотчасъ послѣ жатвы для принесенія благодареній Богу за ниспосланный отъ него благодѣянія. Дома чувашъ удалены одинъ отъ другаго шаговъ на пятьдесятъ. Всѣ они живутъ въ глубинѣ лѣсовъ, и, для отысканія ихъ, надобно сворачивать нѣсколько верстъ съ большой дороги.

Въ Чебоксары—эту столицу чувашъ—экспедиція прибыла 14 октября. Городъ расположенъ вблизи праваго берега Волги, а потому подвергается многимъ неудобствамъ во время весенняго разлива этой рѣки; но при постройкѣ домовъ имѣется это въ виду, а потому въ жилихъ комнаты всегда надобно входить по высокимъ лѣстницамъ. Въ Чебоксарахъ десять каменныхъ церквей и нѣсколько такихъ же домовъ, принадлежащихъ зажиточнымъ купцамъ. Торгуется этотъ городъ съ Астраханью и Москвою, куда высылается кожа, вѣроятно та, что называется русскою кожею (*cuir de Russie*), сало и хлѣбъ — предметы, которыхъ здѣсь изобиліе. Городъ стоитъ между

поселеніями чувашъ, но они показались Кёнигсфельду мѣсте просвѣщенными, чѣмъ тѣ, которыхъ онъ видѣлъ около Казани. У нихъ нѣтъ религіи и священниковъ: чтобы доставить удовольствіе русскимъ и избѣгать оскорбленій отъ нихъ, чуваша чтутъ Богородицу и св. Николая и ставятъ въ честь ихъ свѣчи. Днемъ отдохновенія у нихъ пятница, какъ у татаръ. Когда чувашенинъ начинаетъ ѣсть хлѣбъ, то обращается къ востоку, молится стоя съ открытою головою, потомъ откусываетъ зубами небольшой кусокъ, бросаетъ его на землю къ востоку и затѣмъ уже принимается за ѣду. При этомъ случаѣ Кёнигсфельдъ спросилъ у одного изъ нихъ, знаетъ ли онъ, что есть Богъ, сотворившій небо и землю? тотъ отвѣчалъ: какъ не знать этого? необходимо, чтобы былъ кто нибудь болѣе насъ всѣхъ, который создалъ всякую вещь. На вопросъ: зачѣмъ они не крестятся въ христіанскую вѣру? отвѣчалъ со смѣхомъ, что это у нихъ не въ обычаѣ — и послѣ того тотчасъ же отошелъ отъ путешественника со словами *Hülğ balle*. Погребеніе ихъ очень просто: тѣло, завернутое въ холстъ, зарывается въ землю и на могилѣ ставится столбъ, выдолбленный къ востоку. По окончаніи этого всѣ удаляются. На чувашскихъ кладбищахъ видѣются сотни подобныхъ столбовъ; нѣкоторые изъ нихъ изъ обтесаннаго камня съ какими-то буквами, непохожими ни на русскія, ни на татарскія. Забавно отправляютъ чуваша свадьбы, потому что въ большей части случаевъ они вынуждены покупать себѣ женъ, и это дѣлается такъ: отецъ молодого человѣка идетъ къ отцу дѣвушки, который для гости приготовляетъ пиво. Первый проситъ у втораго дочь для своего сына и когда изъ деревяннаго ковша съ ручкою пьетъ пиво за его здоровье, то кладетъ туда рублей пять. Отецъ дѣвушки, осушивъ въ свою очередь ковшъ, находитъ деньги, и если доволенъ предложенною цѣною, то благодаритъ, а если нѣтъ, то наполняетъ снова ковшъ и пьетъ за здоровье отца молодого человѣка, а этотъ прибавляетъ еще нѣсколько рублей, и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока не удовольствуется отецъ дѣвушки. Иныя похищаютъ своихъ возлюбленныхъ, но случается, что ихъ за то сильно колотятъ. Вообще чуваша опрятны, а женщины у нихъ ловки, здоровы и достигаютъ преклонныхъ лѣтъ. Въ домахъ у нихъ

чище, чѣмъ у русскихъ: въ каждой избѣ нары, или возвышенія, какъ у татаръ, но только на лѣвой сторонѣ, а печь на правой, какъ у русскихъ, съ очагомъ на боку, на подобіе татарскаго.

Изъ Козмодемьянска путешественники отправились далѣе уже на саняхъ. 19 октября они достигли села Лыскова, принадлежавшаго Бакару, грузинскому царевичу. Здѣсь нѣкоторые изъ экспедиціи купили себѣ тонкаго полотна, огромное количество котораго отправлялось каждый годъ на Макарьевскую ярмарку. Того же числа проѣзжали село Работное, принадлежавшее цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Названіе его происходитъ отъ слова *работа*, потому что царь Иванъ Васильевичъ самъ строилъ здѣсь нѣсколько дней деревянную церковь.

20 октября, Делиль прибылъ въ Нижвѣй-Новгородъ, который нашелъ иллюминированнымъ по случаю назначенія императрицею Анною принца Іоанна Антоновича послѣдникомъ престола. Разысканіе картъ, производство наблюденій, преподаваніе уроковъ геодезистамъ и посѣщеніе мѣстныхъ властей заняло у путешественниковъ тринадцать дней. 3 ноября, они выѣхали изъ Нижняго-Новгорода и, 23 числа того же мѣсяца, прибыли чрезъ Муромъ и Владиміръ въ Москву.

На другой же день послѣ пріѣзда своего въ Москву, именно 24 ноября, Делиль съ Кёнигсфельдомъ посѣщали прежде всего къ барону Строганову (*), по распоряженію котораго былъ сдѣланъ такой барскій пріемъ ученымъ въ строгановскихъ помѣстьяхъ. Баронъ принялъ самымъ любезнымъ образомъ астронома, а послѣдній представилъ ему проектъ канала, предполагаемаго около Слутки на Камѣ, вмѣстѣ съ подробными объясненіями по этому предмету. Между тѣмъ супруга барона спрашивала по русски Кёнигсфельда о путешествіи, и онъ ей рассказывалъ объ образѣ жизни остяковъ, о Березовѣ и тамошнемъ острогѣ, о рѣкѣ Оби, о водящихся въ ней рыбахъ, и т. п. «Все превосходно у г. барона, прибавляетъ Кёнигс-

(*) Въ рукописи не обозначено, у котораго именно изъ бароновъ Строгановыхъ былъ съ визитомъ академикъ. Въ 1740 г. ихъ было три брата: бароны Александръ († 1754), Николай († 1758) и Сергѣй († 1756) Григорьевичи. Изъ родословной ихъ только можно видѣть, что здѣсь идетъ рѣчь не о послѣднемъ, олдѣвшемъ еще въ 1737 году.

фельдъ, и все на иностранный ладъ. У него разныя превосходныя картины, китайскіе обои, огромное количество серебряныхъ вазъ, не говоря уже о дорогой мебели, которой множество». 17 декабря, оба путешественника обѣдали у барона Строганова старшаго. Послѣ обѣда онъ показывалъ имъ свою превосходную бібліотеку со множествомъ рѣдкихъ книгъ и украшенную разными математическими инструментами; также небольшой кабинетъ золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ медалей; наконецъ историческія вещи: плафрокъ (*robe de chambre*) изъ бѣлой тафты, который носилъ царевичъ Алексѣй Петровичъ и красную тафтяную рубашечку, наѣванную въ дѣтствѣ царемъ Іоанномъ Алексѣевичемъ. 18 декабря, баронъ Строгановъ оплатилъ посѣщеніе Делилю, и при этомъ случаѣ академикъ показывалъ въ свою очередь разныя любопытныя рукописныя карты, множество сибирскихъ рѣдкостей, мамонтовыя кости, моржевыя клыки (*gosnar*) и пр. На другой день Строгановъ прислалъ Делилю въ подарокъ русскую генеалогическую таблицу о происхожденіи калмыковъ, съ французскимъ переводомъ, и зубъ моржа (*de gosnar*), примѣчательный по величинѣ, именно въ 3 фута длины.

Исслѣдователя, только что начинающаго заниматься русскою исторіею XVIII столѣтія, не можетъ не удивлять скудость современныхъ отечественныхъ извѣстій о важнѣйшихъ изъ тогдашнихъ государственныхъ событій. Дѣйствительно, чтеніе записокъ, которыя часто велись людьми, хорошо знавшими малѣйшія подробности о происходившемъ въ то время, а также знакомство съ уцѣлѣвшею перепискою лицъ самыхъ близкихъ между собою, приводятъ только къ убѣжденію, что въ Россіи XVIII вѣка были большіе искусники обходить на бумагѣ всѣ жгучіе вопросы, всѣ событія, касавшіяся высшей государственной сферы. При поверхностномъ знаніи положенія тогдашняго русскаго общества, можно было бы пожалуй подумать, что для него было совершенно чуждо все, что происходило внѣ ограниченнаго круга хозяйственныхъ или домашнихъ отношений. Но на дѣлѣ это было не такъ: сдержанность на бумагѣ и даже въ разговорахъ происходила не отъ холодности къ тому что происходило въ государственной сферѣ, но изъ опасенія и

подозрительности, легко оправдываемыхъ, когда познакомишься съ дѣлами, исключительно бывшими подъ вѣдѣніемъ Андрея Ивановича Ушакова, и съ тѣми многочисленными и подробными до крайнихъ мелочей розысками по поводу произнесенія кѣмъ бы то ни было и гдѣ бы то ни было страшнаго «слова и дѣла». Нисколько неудивительно послѣ того, что ни въ дневникѣ, въ который Кёнигсфельдъ съ акуратностью нѣмца вносилъ все слышанное и замѣченное имъ, ни въ откровенной перенпискѣ Делила съ женою, ничего нельзя найти, кромѣ самыхъ темныхъ и неопредѣленныхъ намековъ о томъ, что происходило въ Петербургѣ 1740 г., въ продолженіи отсутствія оттуда академика. А произошло въ эти десять мѣсяцевъ много неожиданнаго, много такого, что опрокинуло вдругъ бывшее до того времени сильнымъ и неприступнымъ.

Передъ отъѣздомъ своимъ, Делиль обращался къ Волинскому, какъ могущественному министру кабинета, обѣщавшему свое содѣйствіе успѣхамъ въ Россіи астрономіи и географіи. Едва прошелъ мѣсяцъ послѣ отъѣзда академика изъ Петербурга, и Волинскій былъ арестованъ, а потомъ заключенъ въ крѣпость. Пространный розыскъ его выпъ и его приверженцевъ кончился уже въ июнѣ мѣсяцѣ: Волинскаго казнили на одной изъ петербургскихъ торговыхъ площадей, а вмѣстѣ съ нимъ не мало пострадало людей разнаго званія, и русскихъ, и иноземцевъ. Делиль, разумѣется въ полномъ невѣдѣніи о томъ, написалъ изъ Березова къ Волинскому письмо, въ которомъ, какъ видѣли выше, расточались ему разныя похвалы. Письмо это пришло въ Петербургъ уже во время опалы министра, а потому было передано въ слѣдственную комиссію о немъ, и здѣсь на это обратили особенное вниманіе. Переведенное на русскій языкъ, письмо Делила и до нынѣ хранится въ дѣлопроизводствѣ о Волинскомъ. По возвращеніи уже изъ Березова въ Тобольскъ $\frac{7}{13}$ іюля, астрономъ писалъ къ женѣ, что они не имѣютъ никакихъ извѣстій о томъ, что происходитъ въ Петербургѣ и во всемъ остальномъ свѣтѣ. Подъ 2 августомъ, въ дневникѣ Кёнигсфельда есть краткая замѣтка, въ Верхотурѣ «мы оставались нѣкоторое время съ однимъ петербургскимъ пріятелемъ, ожидавшимъ насъ здѣсь». Изъ письма Де-

лня къ женѣ (Нижній-Новгородъ $\frac{1}{12}$ ноября) узнаемъ, что этотъ пріятель былъ Бланкенгагъ (Blankenhague); жена его жила у генерала Шёмберга — челоѣка, близкаго къ тогдашнимъ придворнымъ знаменитостямъ. Быть можетъ этотъ Бланкенгагъ первый сообщалъ путешественникамъ о случившемся въ Петербургѣ въ ихъ отсутствіе. На Камѣ, въ башкирскомъ городѣ Остѣ, 9 августа, онъ, какъ таинственно записалъ Кёнигсфельдъ въ дневникѣ, узнали отъ тамошняго воеводы «разныя непріятныя новости, касающіяся отечества и происшедшія отъ злыхъ людей (qui étoient le fruit de quelques méchantes gens)». Въ Нижнемъ-Новгородѣ, нѣсколько дней спустя послѣ объявленія манифеста о назначеніи наслѣдника престола (см. выше), именно 4 ноября, путешественники узнали, что ночью прибылъ въ этотъ городъ курьеръ съ какими-то указами неизвѣстнаго содержанія, запечатанными черными печатами. 7 ноября въ Нижнемъ-Новгородѣ, при звукѣ барабановъ, было объявлено жителямъ о кончинѣ императрицы Анны и о возшествіи на престолъ императора Іоанна III. На слѣдующій день путешественники присягали на вѣрность новому императору и регенту государства Бирону.

Жена Делиля писала къ нему изъ Петербурга ^{29 Октября}~~9 Нюбрл~~, слѣдовательно, когда онъ находился еще въ Нижнемъ-Новгородѣ: «вы, безъ сомнѣнія, будете удивлены столькимъ перемѣнамъ, происшедшимъ здѣсь со времени вашего отъѣзда. Конечно, вамъ извѣстны тѣ, которыя случились въ академіи и въ министерствѣ, но самая важная изъ нихъ — это перемѣна въ правительствѣ вслѣдствіе кончины императрицы. Ея величество въ завѣщаніи своемъ призвала къ наслѣдованію русскимъ престоломъ юнаго принца, сына герцога брауншвейгскаго и принцессы Анны, а регентомъ на семнадцать лѣтъ назначила его свѣтлость герцога курляндскаго. Вамъ также, по всей вѣроятности, извѣстно, что г. Бестужевъ, бывшій посланникомъ въ Даніи, сдѣланъ министромъ на мѣсто Волинскаго. Кстатп о послѣднемъ: я узнала, что въ его кабинетѣ нашлись какія-то бумаги, писанныя вашею рукою и непріятныя для нѣкоторыхъ особъ (разумѣется здѣсь идетъ рѣчь о Биронѣ или Остерманѣ). Обдумавши это, я увѣрилась, что тамъ ничего не мо-

жетъ быть противъ государства, а скорѣе увидятъ изъ этихъ бумагъ ваше усердіе къ усовершенствованію астрономіи и географіи въ Россіи. Мнѣ кажется *необходимымъ* (подчеркнуто въ подлинникѣ), чтобы вы по крайней мѣрѣ изъ Москвы написали къ г. Бестужеву. Въ настоящемъ положеніи дѣлъ, онъ изъ всѣхъ министровъ болѣе въ силѣ и болѣе способенъ поддержать ваши виды для блага имперіи; это — честный человѣкъ, справедливый, другъ наукъ и ученыхъ. Не сомнѣваюсь, что такимъ поступкомъ вы пріобрѣтете себѣ въ немъ покровителя. Во всякомъ случаѣ, *это нужно* (подчеркнуто опять въ подлинникѣ) сдѣлать и даже остаться дней на восемь или на десять въ Москвѣ, подъ предлогомъ отдохновенія отъ дорожной усталости, на тотъ конецъ, чтобы ваше письмо произвело желаемое дѣйствіе и подготовило къ вашему пріѣзду благоприятный пріемъ отъ лица, которое можетъ быть много полезно вашимъ видамъ и отвратить вліяніе интригъ лицъ, пожелающихъ тому воспротивиться, потому что Бестужевъ въ большой силѣ»...

Письмо это Делиль получилъ въ первый день своего пріѣзда въ Москву, гдѣ тотчасъ же узналъ о паденіи Бирона, а съ нимъ и Бестужева. Делиль въ Москвѣ очутился во французскомъ обществѣ съ знакомыми по большей части французами. Отъ нихъ-то онъ узналъ о перемѣнахъ въ академіи наукъ, о которыхъ мелькомъ упоминала жена его: въ апрѣлѣ, баронъ Корфъ, президентъ академіи, получилъ мѣсто посланника въ Копенгагенъ. Отправляясь къ новому своему посту, онъ былъ увѣренъ, что останется по прежнему президентомъ академіи, почему и далъ подробное наставленіе, какъ поступать въ управленіи академическихъ дѣлъ въ его отсутствіе; но это наставленіе оказалось излишнимъ: едва прошло нѣсколько дней послѣ его отъѣзда, какъ былъ назначенъ новый президентъ — фонъ-Бревернъ. Кромѣ того, астроному рассказали и другія, менѣе важныя новости: оріенталистъ Керъ, бывший въ частыхъ сношеніяхъ съ академіею наукъ, умеръ; одинъ изъ старшихъ академиковъ Дювернуа уѣхалъ за границу и т. п.

Изъ дневника Кёнигсфельда видно, что въ пребываніе его въ Москвѣ, тамъ, по обыкновенію, ходило множество слуховъ, часто нелѣпыхъ, о послѣднихъ событіяхъ въ Петербургѣ.

Конечно, болѣе всего занималъ москвичей Биронъ и его будущая судьба. Когда Кёнигсфельдъ обѣдалъ съ Делилемъ у московскаго губернатора князя Юсупова, то послѣдній, подробно спрашивая о Березовѣ, примолвилъ, что быть можетъ скоро тамъ будетъ жить бывший регентъ, и что тамъ ему будетъ хорошо, — онъ страстный любитель охоты, а изъ словъ Кёнигсфельда видно, что въ тѣхъ странахъ множество дичи. Москва же утверждала, что Биронъ непременно потеряетъ голову и что пасторъ Назіусъ уже посланъ къ нему въ Шлюссельбургъ, чтобы приготовить его къ смерти. Увѣряли, что брата бывшаго регента, Густава Бирона недавно провезли чрезъ Москву въ Сибирь, и пр.

Между тѣмъ госпожа Делиль, на другой день послѣ паденія Бирона, ¹⁰/₂₁ ноября сообщила о томъ мужу въ запискѣ безъ подписи, а ¹⁸/₂₀ ноября подобною же запискою академикъ извѣщался: «при нашемъ прибытіи въ Москву, первое, что вы должны сдѣлать—это написать письмо къ фельдмаршалу графу Миниху, теперешнему первому министру. Къ нему слѣдуетъ писать Monseigneur и начинить посланіе титуломъ Votre Grandeur. Начать надобно похвалами совершенному имъ подвигу — арестованіе герцога — и говорить о славѣ, которую онъ тѣмъ приобрѣлъ себѣ. Потомъ вы дадите ему подробный отчетъ о совершенномъ вами путешествіи и о результатахъ, которые надеетесь изъ него извлечь и пр. Послѣ того должно остаться дней восемь или десять въ Москвѣ, чтобы дать время вашему письму произвести дѣйствіе. Слѣдуетъ также распорядиться такимъ образомъ, чтобы явиться къ нему тотчасъ же, какъ вы приѣдете. Вы выйдете изъ экипажа только для того, чтобы перодѣться, къ чему будетъ все приготовлено. О прочемъ будетъ сообщено здѣсь (т. е. въ Петербургѣ). Полагаю, что вы легко догадаетесь, что всѣ, преподаваемые сейчасъ совѣты, не принадлежатъ мнѣ и что я передаю вамъ только то, что идетъ изъ вѣрнаго источника»...

Это письмо, какъ нельзя лучше рисуетъ то могущественное вліяніе, которымъ пользовался, впрочемъ очень недолго, Минихъ послѣ знаменитаго арестованія имъ Бирона. Делиль, получивъ всѣ эти извѣстія, отвѣчалъ, 5 декабря, довольно

наивно: «всѣ, сообщенныя вами перемѣны мнѣ очень понравились, и, согласно имъ, я приготовлю къ будущей почтѣ письма ко всѣмъ, кто теперь въ силѣ. Дорогою, я написалъ было черновое письмо къ герцогу и намѣревался передать чрезъ г. дела-Шетарди, но теперь, вмѣсто этого, напишу къ графу Миниху. Къ адмиралу Головинну и графу Остерману также предполагалъ написать и даже почти окончилъ вчернѣ письмо къ послѣднему, но вижу, что и въ немъ надобно будетъ сдѣлать много перемѣнъ. Мѣсто, нынѣ занимаемое княземъ Черкасскимъ (жена увѣдомляла, что онъ сдѣлалъ великимъ канцлеромъ), и мой доступъ къ нему, обязываютъ меня написать и къ нему надлежащее представленіе для успѣха моихъ намѣреній»....

Делиль, дѣйствительно, написалъ письмо къ Миниху: оно, согласно совѣтамъ жены, начинено титулами *Monseigneur* и *Votre Grandeur*, но и это было напрасно: вскорѣ фельдмаршалъ опасно занемогъ, а за тѣмъ его постигла участь предшествовавшихъ временщиковъ. Онъ также впалъ въ немилость и если тогда еще не былъ въ Сибири, то по крайней мѣрѣ уже потерялъ всякое вліяніе.

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ $\frac{1}{12}$ декабря госпожа Делиль писала: «я не имѣю сообщить вамъ болѣе свѣжихъ новостей, кромѣ тѣхъ, которыя вы уже знаете; развѣ только то, что вотъ двѣ недѣли, какъ фельдмаршалъ боленъ. Онъ былъ даже въ опасности, но теперь ему лучше, хотя его еще никто не видитъ. Г. Геннингеръ, шуринъ Шумахера, пропзведенъ въ статскіе совѣтники и назначенъ секретаремъ къ великой княгинѣ (Аннѣ Леопольдовнѣ — матери малолѣтняго императора). Такимъ образомъ еще новая подпора Шумахеру... Г. Леблонъ передалъ г. Гроссу письмо ваше къ нему изъ Новаго Усоля, при чемъ г. Гроссъ говорилъ ему, что вы поступите очень хорошо, если сдѣлаете сколько возможно болѣе полезныхъ наблюдений для географіи, чтобы такимъ образомъ деньги, отпущенныя его величествомъ на ваше путешествіе, были затрачены съ пользою, чѣмъ быть можетъ вы будете въ состояніи смягчить умы. Не надобно забыть предупредить васъ — такъ какъ вы не получали моихъ писемъ — что немного дней спустя послѣ вашего отъѣзда, баронъ Корфъ, приводилъ въ

извѣстность все, что было въ обсерваторіи и отдалъ ключи отъ нея г. Гейнзіусу. При этомъ случаѣ я принуждена была, вслѣдствіе приказаній барона Корфа, вручить Гейнзіусу сдѣланную г. Мессеромъ копію съ вашихъ наблюденій, такъ какъ Корфъ велѣлъ искать ее въ вашихъ книгахъ съ угрозами жаловаться кабинету. Вы не сдѣлали никакихъ распоряженій по этому предмету, почему я считала обязанностью отдать отысканную мною рукопись, которая и передана въ руки г. Гейнзіуса. Мы говорили потомъ, что онъ представилъ академіи донесеніе, не весьма благопріятное для вашихъ наблюденій. Я желала бы, чтобы г. Деблонъ былъ теперь съ вами въ Москвѣ — онъ бы много поразсказалъ вамъ вещей, которыя касаются васъ» . . .

Чтобы понять приведенную сейчасъ выписку, необходимо помнить, что нашъ астрономъ, передъ отъѣздомъ своимъ въ Березовъ, былъ въ совершенномъ разладѣ съ Шумахеромъ, который именемъ президентовъ правилъ по своей волѣ всю академію. Еще въ 1733 г., когда на мѣсто Кейзерлинга былъ назначенъ въ президенты академіи баронъ Корфъ, Делиль въ первое академическое засѣданіе, въ которомъ тотъ присутствовалъ, произнесъ рѣчь, и въ ней откровенно высказалъ, какъ много терпитъ академія отъ того, что при ней безъ всякой нужды заведено много ремесленныхъ учреждений (а это, какъ извѣстно, произошло по волѣ и распоряженію Шумахера). «А что больше жалобы достойно, говорилъ Делиль, академическая канцелярія (ея начальникомъ былъ Шумахеръ же) неправеднымъ образомъ взяла команду и надъ академію наукъ и о всемъ опредѣляетъ сама собою. Къ сему, якобы вышшему суду, подлежитъ идти просить милости для вспоможенія во всякихъ потребностяхъ и выходатайствовать выдачу жалованья и прочихъ расходовъ и иждивеній, которые часто для академіи учинить надобно. . . Почти вѣрить не можно, что академія до сего времени отъ лишней власти, которую надъ нею управляющіе до сихъ поръ взяли, претерпѣла, не спрашивая совѣта ни у кого и учиня сами собою все учрежденія, которыя нынѣ въ ней находятся» . . .

Рѣчь эта, сколько можно судить по дальнѣйшимъ дѣйствіямъ

барона Корфа, не имѣла никакихъ послѣдствій на улучшеніе академическихъ дѣлъ, и Шумахеръ умѣлъ войти въ довѣренность президента, который выхлопоталъ ему званіе совѣтника академической канцеляріи. Неудивительно послѣ этого, что Шумахеръ не находился въ добрыхъ отношеніяхъ къ Делилю и старался вооружать противъ него барона Корфа. Въ протоколахъ академической конференціи сохранилось нѣсколько примѣровъ тѣхъ столкновеній, которыя бывали у астронома съ президентомъ, особенно любившимъ высказывать при всякомъ случаѣ свою власть надъ академиками.

Упомянутый въ письмѣ госпожи Делиль—Геннингеръ, женатый на сестрѣ Шумахера, былъ сначала учителемъ сына князя Меншикова, а потомъ наставникомъ племянницы императрицы Анны, принцессы Анны Леопольдовны. Когда гувернантка послѣдней, Адеркасъ, была удалена отъ двора, потому что до императрицы дошли слухи о склонности ея питомицы къ графу Линару, то и Геннингеръ, какъ видно причастный къ этому дѣлу, получилъ увольненіе. Какъ только вступила въ управленіе государствомъ принцесса Анна Леопольдовна, то она поспѣшила приблизить къ себѣ Геннингера, но онъ, съ паденіемъ своей покровительницы, очутился скоро въ крайности (*).

Гейнзіусъ, о которомъ также идетъ рѣчь въ письмѣ госпожи Делиль, былъ академикъ и астрономъ, наблюдавшій на петербургской обсерваторіи подъ руководствомъ Делиля. Послѣдній, незадолго до отъѣзда своего въ Сибирь, представилъ записку, подъ заглавіемъ: «*Etat des instrumens qui sont à l'observatoire, et des observations qui y doivent être faites, non seulement pour les continuer de la manière qu'elles ont été commencées jusqu'ici, mais encore pour les nouvelles qu'il faut faire correspondantes à celles que je me suis proposé de faire dans mon voyage et dont j'ai averti les principaux astronomes de l'Europe*». Эта самая записка подала поводъ Гейнзіусу представить барону Корфу «*Unterthänige Vorstellung wegen Übernahme des Observatorii bei der Abreise des H. de l'Isle zu Ende des*

(*) *Mémoires sur la Russie, par Manstein. Lyon, 1772, I, 146, 147, и рукописные Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ, Миллера, стр. 48.*

Februarii 1740 (*)». Здѣсь, этотъ астрономъ подробно доказывалъ о физической невозможности производить ему одному наблюденія на обсерваторіи въ тѣхъ обширныхъ размѣрахъ, какіе начертаны были въ запискѣ Делиля. Вѣроятно, объ этомъ то представленіи передано было госпожѣ Делиль пріятелями мужа ея, и она писала о томъ къ послѣднему, какъ о неблагопріятномъ отзывѣ Гейнзіуса о его наблюденіяхъ. Что касается до выдачи Гейнзіусу, въ отсутствіе Делиля, копій съ наблюдений послѣдняго, то это обстоятельство въ современныхъ академическихъ бумагахъ объяснено такъ: когда, по отъѣздѣ Делиля, Гейнзіусу слѣдовало продолжать наблюденія на петербургской обсерваторіи, то при этомъ ему было необходимо знать отклоненія стѣннаго секстанта отъ плоскости меридіана и горизонтальной поверхности, о чемъ можно было получить свѣдѣніе только изъ предшествовавшихъ наблюдений Делиля. Поэтому, вслѣдствіе приказанія барона Корфа, тѣ наблюденія и были сообщены изъ кабинета отсутствующаго астронома секретаремъ его Леблономъ.

23 декабря, Делиль выѣхалъ изъ Москвы, а 29 числа того же мѣсяца въ часъ пополудни прибылъ въ Славянку, откуда медленно отправился въ Петербургъ, чтобы пріѣхать туда ночью «по нѣкоторымъ причинамъ» объясняетъ Кёнигсфельдъ. «Мы, благодаря Бога, достигли, продолжаетъ онъ, города въ 6 часовъ вечера живы и здоровы. Я поблагодарялъ г. Делиля за все его расположеніе ко мнѣ и за то, что въ продолженіе путешествія пользовался его столомъ и астрономическими табличками». 30 декабря, авторъ дневника являлся къ президенту академіи, а 10 января, Делиль подалъ въ императорскій кабинетъ отчетъ о своемъ путешествіи (съ подписаніемъ: *A nos seigneurs les ministres du Cabinet de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies*). Описавъ здѣсь свои занятія во время путешествія, астрономъ представилъ слѣдующія соображенія и выводы:

«Изъ разсказа, только что сдѣланнаго мною, видно, что у меня самыя успѣшныя наблюденія были произведены въ бла-

(*) Архивъ старыхъ дѣлъ академической канцеляріи, книга № 50, 1740 г.

гопріятное время года въ сѣверныхъ странахъ Россіи. Эти наблюденія всего болѣе необходимы для генеральной карты европейской Россіи. Остается теперь окончить, какъ можно скорѣе и какъ можно лучше, эту карту по имѣющимся нынѣ запискамъ и наблюденіямъ. Но, само собою разумѣется, что такая карта, какую можно сочинить теперь, не можетъ еще быть совершенна, пока не довольно точны всѣ частныя карты и прочія географическія записки, на основаніи которыхъ должна быть она составлена. Это должно задержать одновременное изданіе частныхъ картъ. Последнее можетъ быть приведено въ исполненіе по мѣрѣ исправленія и усовершенствованія этихъ картъ и другихъ записокъ, такъ что въ послѣдствіи можно будетъ передѣлать во второй разъ генеральную карту со всею необходимою точностью.

«Чтобы достигнуть этой цѣли и на будущее время утвердить на прочныхъ основаніяхъ географію въ Россіи, я уже очень давно предлагалъ обучать астрономическимъ наблюденіямъ достаточное число молодыхъ людей изъ русскихъ и потомъ разсылать ихъ съ надлежащими инструментами въ тѣ мѣста, гдѣ это будетъ нужно. Въ этихъ же видахъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я представлялъ въ высокій сенатъ проектъ объ измѣреніи земли въ Россіи. Посредствомъ этого, геодезисты, инженеры и всѣ прочіе математики, иностранцы и русскіе, могли бы изучить самыя вѣрныя пріемы геометріи и нивелировки для усовершенствованія частныхъ картъ. Если ваши превосходительства утвердятъ нынѣ приведеніе въ исполненіе этого предположенія, то я тотчасъ же, какъ это будетъ угодно вамъ приказать, готовъ означить цѣнность, количество и качество инструментовъ и другихъ необходимыхъ къ тому пособій.

«Да будетъ мнѣ позволено теперь высказать мое мнѣніе на счетъ геодезистовъ, занимавшихся до сихъ поръ составленіемъ частныхъ картъ и другихъ географическихъ записокъ, на основаніи коихъ должна быть составлена генеральная карта. Эти геодезисты были достаточно научены математическимъ началамъ, преподаваемымъ въ морской академіи. Иные изъ нихъ воспользовались ими лучше, чѣмъ другіе, и, по выходѣ изъ академіи, исполняли порученныя имъ работы такъ, какъ могли,

безъ всякаго надзора директора, который былъ бы въ состояніи преподавать недостававшія имъ свѣдѣнія въ практикѣ и снабдить ихъ инструментами, наиболѣе удобными для этой работы. Отъ этого произошло, что есть много плохихъ частныхъ картъ; и ихъ невозможно соединить вмѣстѣ для составленія генеральной карты. Покойный Кирпловъ, предпринимавшій изданіе атласа Россіи, не былъ въ состояніи преподавать геодезистамъ свѣдѣній, которыхъ у него не доставало, и не заботился о доставленіи инструментовъ, нужныхъ для лучшаго выполненія работъ. Т. Татищевъ, принявшій въ свое завѣдываніе геодезистовъ послѣ Кирилова, былъ въ состояніи снабдить ихъ лучшими инструкціями только при помощи академіи наукъ, но онъ не далъ имъ способовъ выполнить эти инструкціи, такъ что они бесполезно теряютъ свое время, будучи въ невозможности осуществить то, что требуется отъ нихъ въ данныхъ инструкціяхъ. Въ этомъ я убѣдился по тѣмъ геодезистамъ, которыхъ видѣлъ въ провинціяхъ, куда они были посланы снимать или исправлять карты. Всѣ прочіе геодезисты, вѣроятно, въ подобномъ же положеніи. Я узналъ, что они, получивъ приказаніе состоять въ зависимости г. Урусова, подобно тому, какъ это было передъ тѣмъ у г. Татищева, ходатайствовали передъ сенатомъ дозволить имъ составить особое учрежденіе, въ чемъ они нашли поддержку и въ г. Урусовѣ, также просившемъ объ увольненіи его отъ начальствованія геодезистами, потому что онъ ничего не понимаетъ въ географіи и, кромѣ того, имѣетъ довольно другихъ занятій.

Эти причины и потребность для геодезистовъ въ обученіи практическимъ приѣмамъ географіи и астрономіи, въ обученіи, лучшемъ, чѣмъ какое получали они до сихъ поръ, а также въ инструментахъ лучшихъ, чѣмъ тѣ, какіе они имѣли прежде, побуждаютъ меня принять на себя смѣлость представить вашему превосходительству, что не возможно будетъ привести въ хорошее состояніе русскую географію, ни извлечь пользы изъ того, что было сдѣлано до сихъ поръ, пока полное завѣдываніе этими работами, съ надлежащею властью, не будетъ ввѣрено лицу, способному и облеченному отъ его величества въ званіе перваго географа и космографа его имперіи, и пока не

приобрѣтутся инструменты не только для будущихъ путешествій, но и для императорской обсерваторіи въ Петербургѣ. Послѣдніе инструменты необходимы при измѣреніи земли въ Россіи, о чемъ изложено мною выше.

Такъ какъ мною уже испытаны хорошія наклонности, послушливость и способности четырехъ учениковъ математики изъ морской академіи, которыхъ, по приказанію вашихъ превосходительствъ, я обучалъ въ продолженіи моего путешествія, то я ходатайствую объ оставленіи ихъ при мнѣ для продолженія упражненій въ астрономическихъ наблюденіяхъ и во всемъ, что касается географіи, и объ избраніи шести другихъ учениковъ изъ морской академіи также для обученія у меня, на тотъ конецъ, чтобы сдѣлать ихъ способными къ службѣ по ихъ достоинствамъ и къ отправленію туда, гдѣ они понадобятся, когда получатся изъ Англіи и Франціи необходимые инструменты.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ я прошу также ваши превосходительства: 1) о дозволеніи Товію Кёнигсфельду, который находился при обученіи математическихъ учениковъ въ путешествіи, остаться въ этой же должности и по этому уваженію дать ему званіе адъюнкта астрономіи въ академіи наукъ, съ жалованьемъ и другими преимуществами, присвоенными для лицъ, полезныхъ академіи; 2) также оставить при мнѣ, для пользы географіи, приданнаго мнѣ въ качествѣ переводчика въ путешествіи, Михаяла Грѣнинга, съ тѣмъ, чтобы онъ исполнялъ ту же должность, получая по прежнему жалованье изъ академіи.

«Наконецъ, такъ какъ къ генеральной картѣ русской имперіи, которую я намѣренъ скоро окончить, должно быть присоединено географическое описаніе, содержащее въ себѣ раздѣленіе имперіи и пр., то осмѣливаюсь еще ходатайствовать о дозволеніи профессору академіи Николаю Випцгейму, много уже трудившемуся надъ русскою географіею, также и по астрономіи, помогать мнѣ въ этихъ описаніяхъ и другихъ географическихъ работахъ, и во уваженіе этихъ трудовъ увеличить его жалованье двухъ стами рублями подобно тому, какъ это сдѣлано другимъ профессорамъ, не столько работавшимъ, и не такъ давно состоявшимъ, какъ онъ, въ академіи». . . .

Это представленіе академика Делля тѣмъ любопытно, что вкратцѣ даетъ понятіе о работахъ и намѣреніяхъ его создать на научныхъ началахъ русскую географію. Отвѣтъ на вопросъ: какъ были исполнены предначертанія нашего астронома, не входитъ въ предѣлы настоящей статьи; онъ найдетъ себѣ мѣсто въ исторіи нашей академіи.

Въ заключеніе настоящей статьи слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о приложенныхъ къ ней рисункахъ. Уже въ началѣ ея, на стр. 6, было замѣчено, что въ рукописи, принадлежащей нынѣ Географическому Обществу, находятся современные рисунки, дѣланные Кёнигсфельдомъ во время путешествія и что въ *Histoire général des voyages* они вписаны въ искаженномъ видѣ. Между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ могутъ пригодиться изслѣдователю, который будетъ имѣть случай быть въ Березовѣ, для окончательнаго рѣшенія вопроса о мѣстѣ погребенія князя Меншикова, а потому для этой именно цѣли сняты здѣсь точные снимки, какъ съ изображеній, такъ и съ надписей слѣдующихъ рисунковъ Кёнигсфельда: 1) подѣ буквою А—видъ между церковью Меншикова и соборомъ въ Березовѣ, срисованный на рѣкѣ Сосвѣ. Здѣсь, между прочимъ, на мѣстѣ подѣ буквою К показанъ похороненнымъ какой-то святой. Въ объясненіяхъ разстояній упоминается о литерахъ с и D, но ихъ не выставлено и въ подлинномъ рисункѣ. 2) Подѣ буквою В—видъ обсерваторіи, въ которой производилъ наблюденія Делля, и Спасской церкви въ Березовѣ. Первая подѣ буквами: l, o, g, f, f, f, f, h. Около церкви подѣ литерою h мѣсто, гдѣ погребенъ князь (Алексѣй?) Долгоруковъ. 3) Подѣ буквою С—видъ Березовскаго острога, въ которомъ содержалось семейство князей Долгоруковыхъ. Здѣсь подѣ буквою А мѣсто, гдѣ къ Югу должна быть церковь кн. Меншикова, а—караульная, АЕ—тюрьма князя, В—тюрьма княгини и S—старый соборъ.

1

Xx un peu en avant
D. e. f.

à 100 pds de distance
du côté du Sud

713.
 Tous les a sont plus
 près que b. C'est un
 peu d'écriture, j'y suis entré
 p. u. c, en baguez des vers
 Côté comme la part-j.
 Ne voudr. et d'après Diction.
 B. Les a sont d'après plus élon.
 B. Les a sont plus que
 Et en est entré un bague.

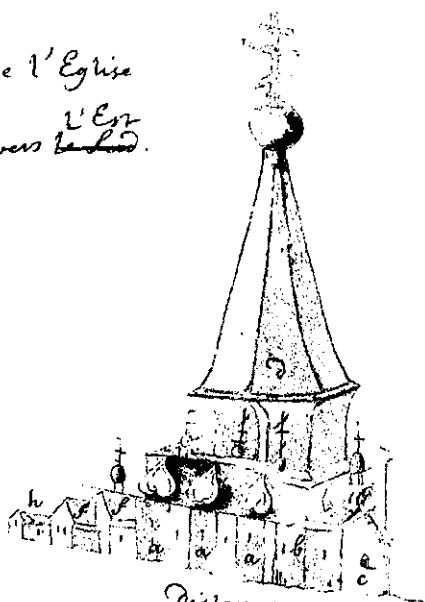
Distances
H.
a.
l.
l.
n.v.
b.
c.
M. b. doit être
la fois plus
grande que a

B.

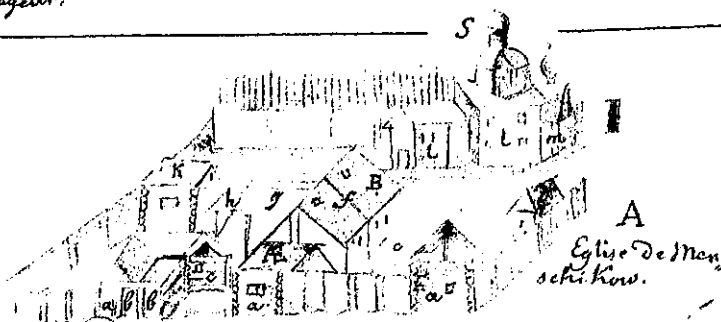
Vüe de l'observatoire et de l'Eglise
Spaskkaia à Beresow l'Est
à la distance de 80 pas, vers le sud.

Distances
a. b. c. d. f. g. h.
notre observatoire, garni de tous
côté de petites lucarnes, et les places
noires, marquent les fenêtres ouvertes,
f. sous aufré des fenêtres qu'on pouvait
ouvrir, l. est les lieux communs. O est
une palissade de planches de trois pas
de largeur.

Distances
a. a. la première
b. c. d. f. (h) en droit
où le prince d'Argorouchi
a été ensermé.

Distances
a. b. c. d. e. f. g. h. k.
l. m.

a. grenille.
B. prison du Prince.
C. prison de la Princesse.
D. Ancienne Cathédrale.
N. Maison de ville.

vüe de
l'Estrog

A. l'Eglise de Menschikhov
qui se trouve dans cette
espace, doit être reprise,
l'est vers le sud

Le tour a été défini d'une hauteur de 60 pieds
et à la distance de 400 doubles pas géométriques
en de la du fleuve en tirant vers le sud

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В этом труде пересекаются два имени ученых, которые в разные века работали на благо академической науки России: академик Петербургской Академии наук, французский астроном Иосиф Делиль (XVIII в.) и историк Петр Петрович Пекарский (XIX в.). Информацию о них можно найти в разных справочных изданиях, но она крайне лаконична и однообразна. Поэтому мы представляем статьи из «Русского биографического словаря» в 25-ти томах (1896—1918 гг.), которые читать не только познавательно, но и увлекательно; авторы статей потрудились представить такие детали, которые характеризуют не только героев, но и научную жизнь XVIII—XIX вв.

Пекарский Петр Петрович, академик Императорской Академии Наук, родился 19 мая 1828 года около Уфы. Закончив в 1847 г. высшее образование в Казанском университете по юридическому факультету со степенью кандидата, П. поступил 22-го апреля 1848 года на службу в Оренбургское Губернское Правление помощником столоначальника, а через полгода был переведен в Самарскую Удельную Контору. В ноябре 1851 года он перешел на службу в Канцелярию Министерства Финансов, где и оставался по февраль 1862 г. Ученые работы П. стали появляться в петербургской периодической печати с 1855 г.; но только с переходом на службу в Государственный Архив на должность старшего архивариуса (29-го марта 1862 г., а с 1864 г. — начальника отделения), а особенно с избранием в адъюнкты Академии Наук (1863 г.), явилась П. возможность без помехи всецело отдаться историческим изысканиям. Экстраординарный академик с 1864 г., ординарный с 1868 г., возведенный 25-го апреля 1872 г. советом Казанского университета в степень доктора русской истории *honoris causa*, П. умер в Павловске 12-го июля 1872 г. в чине действительно-го статского советника; похоронен он в Новодевичьем монастыре в С.-Петербурге.

Научная и литературная деятельность П. направлена была преимущественно на изучение истории русского просвещения XVIII столетия. К первому периоду этой деятельности (1855–1862 гг.) относятся статьи в «Современнике» [главным образом: «Русские мемуары XVIII века» (1855 года), «Поездка графа Матвеева в Париж» (1856 г.), «Мистерии и старинный театр в России» (1857 г.), «Петербургская старина» (1860 года)] и в «Отечественных Записках» [например: «Барон Гюйсен» (1860 г.), «Нейбауер и его брошюра против России» (1860 г.), «представители киевской учености» (1862 г.)], служившая как бы введением в его капитальный труд: «Наука и литература в России при Петре Великом» (2 т. С.-Пб. 1862 г.). Книга эта увенчана полной Демидовской премией в 30-е их присуждение, представляет из себя, по выражению А.В. Никитенко, «целую библиотеку сведений о зачатках нашего умственного движения, возникшего из реформ Петра Великого». Последние десять лет жизни П. разрабатывал Архив Государственный («Маркиз-де-ла-Шетарди в России, 1740–1742 гг.», С.-Пб. 1862 г.), приготовил к печати два тома «Бумаг императрицы Екатерины II» в «Сборник Императорского Русского Исторического Общества» (тт. VII и X); но главные его занятия сосредоточились на архиве Академии Наук: «Путешествия академика Н.И. Делиля», «Дополнительные известия для биографии Ломоносова» (С.-Пб. 1865 г.), «Жизнь и литературная переписка П.И. Рычкова» (С.-Пб. 1867 г.), «Сношения его с Академией Наук, «Новые известия о В.Н. Татищеве» (С.-Пб. 1864 г.), «Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755–1764 гг.» (С.-Пб. 1867 г.) и некоторые иные предшествовали другому капиталь-

ному сочинению Пекарского «Истории Императорской Академии Наук в Петербурге» (С.-Пб. 1870-1873 гг.). Смерть помешала П. довести до конца свой труд, остановившийся на 1767 г. Другие работы П.: «Материалы для истории журнальной и литературной деятельности Екатерины II» (С.-Пб. 1863 г.), издания «Слово о полку Игореве», по списку XVIII века; «Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву» (совместно с Я.К. Гротом) и «Исторические бумаги, собранные К.И. Арсеньевым». Полный перечень трудов П. помещен в «Русской Старине» 1872 г. (102 № №, в том числе 18 статей на буквы А и Е в «Энциклопедическом Словаре, составленном русскими учеными и литераторами»).

Архивный работник по преимуществу, Пекарский может служить образцом неутомимого трудолюбия, редкого постоянства и верности раз намеченной цели. Точный и методичный в занятиях, он работал неуклонно и упорно. Но тот ошибается, кто захочет в его произведениях найти законченное изображение прошлой жизни: коллектор зачастую перевешивает в П. историка. Не будучи издателем собственно материалов, он не был и их исследователем. Через меру осторожный, П. точно пугался делать выводы, напрашивавшиеся из богатого материала, находившегося в его руках. Нисколько не заботясь об отделке, нередко излагая свою мысль языком тяжелым, П. выходил из того убеждения, что время для обобщений еще не наступило. Чуждый критике, он ограничивался поэтому сухим изложением фактов, разработкою чисто материальной стороны дела, довольствуясь ролью добросовестного фотографа. Быть может, нигде эти черты не выступают так ярко, как в обоих главных трудах П. «Наука и литература при Петре Великом» — собственно пересказ документов или дословные выдержки из них, а «История Академии Наук», составленная по тому же плану, скорее биографический словарь членов Академии, чем его «история». Передача материала в полусыром виде лишила труд стройности и единства; перед читателем не картина внутренней жизни учреждения, а лишь перечень внешних событий.

Зато, благодаря указанному методу, в трудах П. резко выделяется другая черта: документальность изложения, обилие новых сведений, положительность и достоверность в передаче фактов. Добросовестность автора позволит любому исследователю спокойно опереться на них. Труды П. еще долго будут играть роль первоисточника, всегда богатого и обильного. Два главных его труда — незаменимая и, можно сказать, настольная книга для историка русского просвещения первой половины XVIII столетия.

Я.К. Грот «Воспоминания о Пекарском» в «С-Петербургских Ведомостях» 1872 г., 1-го августа и в «Записках Академии Наук», т. XXII; А.В. Никитенко — в «Отчете II Отделения Академии Наук за 1872 г.» — там же; «Русская Старина» 1872 г., т. VI; Некролог П. — в «Вестнике Европы» 1872 г., № 9.

Е. Шмурло

Делиль (De L'Isle) Иосиф-Николай (в современных русских письмах назывался Осип Николаевич), академик-астроном, родился в Париже 4 апреля 1688 года. Отец его Клавдий Д. пользовался в свое время известностью как преподаватель истории и географии, а старший брат Вильгельм был королевским географом и членом Парижской академии. Школьное образование Иосиф-Николай Д. начал в коллегии Мазарини, но оставил учение на риторике и с 1706 года занялся исключительно астрономией, любовь к которой он почувствовал при виде полного солнечного затмения 12 марта 1706 года. В 1708 году Д. посещал обсерваторию знаменитого астронома Кассини. Но научные занятия не давали молодому ученому достаточных средств к жизни, и он принужден был давать уроки математики и составлять предсказания и гороскопы, хотя, по свидетельству Лаланда, и не верил в астрономию. 24 марта 1714 года Парижская Академия наук приняла Д. в свои адъюнкты. В 1724 году он посетил Англию, где познакомился с величайшими знаменитостями своего времени — Ньютоном и Галлеем. В это время труды Д. уже составили ему почетное имя в науке. Еще в 1721 году Петр Великий пригласил Д. на службу в Россию. Несколько лет прошло в переговорах. Наконец 8 июня 1725 года Д. подписал контракт на поступление в члены Петербургской Академии наук. В феврале 1726 г. Д. прибыл в Петербург и тотчас же начал делать наблюдения, несмотря на то, что привез с собой очень мало инструментов. Вскоре ему отданы были астрономические приборы, купленные еще Петром Великим во время его поездки в Англию, а в 1735 году был выписан из Парижа квадрант, устроенный по собственной мысли Д. С этих пор Д. в течение двадцати одного года, за исключением десяти месяцев в 1740 году, когда он ездил в Сибирь для наблюдения за прохождением Меркурия через солнце, — вел астрономические журналы и успел сделать в России столько наблюдений, что количество их возбудило удивление известного астронома Лаланда. Такая производительность тем более замечательна, что Д. пришлось работать в крайне неблагоприятных условиях. Первые годы своего пребывания в Петербурге Д. находился в хороших отношениях с известным в истории Академии Наук Шумахером, но затем сделался его врагом и все остальное время своей службы провел в упорной борьбе с ним, собираясь иногда даже покинуть Россию. Так, в 1733 и 1744 годах он подавал просьбы об увольнении, но остался на службе, хотя препятствий к его отъезду не было. Между тем раздоры между Д. и академическим начальством продолжались. 11 ноября 1734 г. Д. встретил вступившего в управление Академией барона Корфа резкой речью, в которой обвинял академическую канцелярию в самовластии и проч. Резкие выходки Д. навлекли на него неудовольствие нового президента, но, во всяком случае, при бароне Корфе он получил воз-

возможность производить наблюдения с более совершенными инструментами. В это же время Д. показывал «разные астрономические обсервации» императрице Анне Иоанновне. В декабре 1735 года Д. подал барону Корфу проект «чем дать каждому С.-Петербургскому обывателю способ, как исправно заводить по солнцу стенные и карманные часы». Он предлагал в полдень стрелять из пушки с адмиралтейского бастиона. Барон Корф представлял проект в императорский кабинет, но доклад его остался без ответа. В 1737 году при пособии Академии Д. приступил к измерению одного градуса меридиана около Петербурга для содействия решению вопроса о виде земли, но это намерение осталось только попыткой. В феврале 1740 г. Д. отправился в Сибирь для наблюдения прохождения Меркурия через солнце. Вместо Обдорска ему пришлось остановиться в Березове вследствие непреодолимой трудности пути, а облачная погода воспрепятствовала наблюдениям. Об этой неудаче Д. подробно сообщил членам Кабинета, между которыми был и Артемий Волинский. Письмо Д. к последнему попало в следственную комиссию над бывшим кабинет-министром и рассматривалось в ней, но не вызвало против Д. никаких обвинений. По возвращении астронома из Сибири ему снова пришлось начать борьбу с академическим начальством и вторым астрономом Гензиусом. В 1741 году Д. пытался добиться совершенного отделения от Академии занятий русской географией, предлагая поручить заведование географическими работами одному способному лицу со званием первого географа и космографа, под непосредственным ведением Императорского Кабинета. Предложение это было оставлено без внимания. В начале 1742 года Д. подал в сенат донесение на Шумахера и принял горячее участие в возникшей затем в Академии борьбе; но, как известно, Шумахер сумел достигнуть оправдания, и следственная комиссия по этому делу присудила Д. к увольнению из Академии, так как Шумахер со своей стороны возвел на астронома целый ряд обвинений, когда тот просил сенат о выдаче жалования, не полученного им за 1741-1742 годы. Переписка об увольнении Д. продолжалась еще весь 1744 год и закончилась именным повелением императрицы Елизаветы заключить в Академии новый контракт с астрономом и выдать, согласно ходатайству его, для снабжения обсерватории нужными инструментами до шести тысяч рублей. Д. медлил с заключением контракта, но снова начал посещать академические заседания и вместе с остальными академиками снова боролся против Шумахера. Вскоре после назначения в президенты графа Разумовского, Делилю было объявлено, что все его представления останутся без движения до тех пор, пока он не заключит нового контракта с Академией. В ответ Д. написал длинное письмо, в котором обвинял Шумахера и грозил жалобой в Императорский Кабинет. В янва-

ре 1747 г. гр. Разумовский постановил: «отрешить Делиля от Академии», но, по другому определению, 26 марта 1747 г. он был сделан почетным членом Академии с обязательством «будучи в отечестве своем... академические дела отправлять» и с назначением за то пенсии по 200 р. в год. 15 сентября 1847 г. Д. возвратился в Париж и занял место в королевской коллегии с жалованием 900 ливров в год. Некоторую сумму денег, которую Д. привез из России, он употребил на устройство обсерватории с большим пассажным инструментом на платформе отеля Ключи, в улице des Mathurins. Здесь в продолжение многих лет он неутомимо продолжал свои наблюдения. Несмотря на шестидесятилетний возраст, зимой и летом, ночью и днем, он постоянно ходил в свою обсерваторию. В 1747 году, по предложению Теплова, доктор Санхец обращался к Делилю с просьбою дать объяснения по некоторым вопросам, предложенным академиком-астрономом Вицгеймом. Это требование разбудило старую вражду Д. к академической канцелярии. Он отвечал резким, полным нападком, письмом, которое было доставлено Шумахеру и Теплову. Они уговорили гр. Разумовского послать в Парижскую Академию и ко всем почетным членам Петербургской Академии требование о прекращении всяких сношений с Д. Кроме того, русское посольство в Париже должно было добиться того, чтобы Д. запрещено было печатать что-либо о России без ведома Петербургской Академии, и настоять на возвращении им всех материалов по истории и географии России, а также на определении Д. на какое-либо место до тех пор, пока он не исполнит договора, заключенного им при отъезде из Петербурга. Конечно, требования эти не имели успеха, и академическая канцелярия должна была ограничиться только исключением Делиля из числа почетных членов и лишением его пенсии. В 1752 году Д. издал *Explication de la carte des nouvelles decouvertes au Nord de la Mer du Sud*, сочинение, в котором впервые были напечатаны сведения о камчатской экспедиции Беринга. Все сведения об этой экспедиции хранились русским правительством в тайне. Поэтому появление сочинения Д. возбудило большой шум в России. Гр. Разумовский поручил историографу Мюллеру написать опровержение. Мюллер написал возражение под заглавием: «*Lettre d'un officier de la marine russeenne a un seigneur de la cour*». Личные выходки, отличающие это письмо, не встретили одобрения современников, и сам Мюллер впоследствии раскаивался в них. В 1754 г. Д. получил место географа-астронома французского флота. В это же время король приобрел его богатое собрание рукописей и огромную библиотеку. С 1758 года здоровье стало оставлять Д. С 1763 г. он окончательно удалился от занятий. 11 сентября 1768 г. апоплексический удар прекратил его многотрудную жизнь.

Делиль не ограничивался в своих занятиях одной астрономией: он собирал греческие и римские медали, русские рукописи и проч. Знаменитый Лаланд так характеризует Делиля: «Никто более его не трудился над историей и всеми отраслями астрономии; никто более не содействовал ее успехам своими разысканиями, перепискою, наблюдениями и своими учениками... Я всегда изумлялся удивительному множеству сделанных Делилем наблюдений; ни у кого не было более обширной коллекции книг, карт и астрономических наблюдений».

В истории географии Д. известен тем, что предложил особый, до сих пор называемый его именем, способ черчения географических карт, по которому и были составлены первые карты России. Делилю принадлежат следующие работы: 1) *Descours lu dans l'assemblee publique de l'Academie de sciences le 2 Mars 1728*, par Mr De L'Isle avec la reponse de Mr Bernoulli. Содержанием речи были вопросы: si l'on peut demontrer par les seuls laist astronomiques, quel est le vrai systeme du monde? Et si la terre ou non? Русский перевод этой речи не нашли возможным напечатать. 2) *«Abrege des Mathematiques pour l'usage de Sa Majeste Imperiale de toutes les Russies»*. Tome II contenant l'Astronomie et la Geographie. Русский перевод напечатан в том же 1728 г. 3) *«Projet de la mesure de la terre en Russie»*, lu dans l'assemblee de l'Academie des sciences de St. Peterbourg le 21 janvier 1737. Русский перевод издан в том же году. 4) *«Memoire pour servira l'histoire et au progress de l'Astronomie, de la Geographie et de la Physique etc. a St. Peterbourg 1737*. В академическом издании *Commentarii Academiae Petropolitanae* напечатаны следующие работы Д.: «*Eclipses satellitum Jovis*», observatae Petropoli, a fratribus Josepho Nicolao de L'Isle et Ludovico de L'Isle de la Croyere». I, 467-474. «*Continuata relation eclipsium satellitum Jovialium Petropoli observatarum*». II, 491-494. «*Observationes altitudines Poli in observatorio Imperiali quod Petropoli est habitae*» 495-515. «*Tertia series observationum satellitum Jovis in observatorio Petropoli factarum*». III, 425-432. «*Continuata relatio eclipsium satellitum Jovis Petropoli observatarum*». IV, 317-321. «*Eclipsium Jovis satellitum in observatorio Petropolitano observatarum continuatio*». V, 451-457. «*Eclipses satellitum Jovis, observatae in Imperiali specula astronomica quae Petropoli est, per integrum annum 1738*». VI, 395-400. «*Observationes astronomicae in specula Academiae scientiarum ab anno 1739-1745 a I. N. Delillio cum sociis institutae*». XI, 349-362.

История Императорской Академии наук в Петербурге. Петра Пекарского т. I стр. 124-149. *Histoire de l'Academie royale des sciences. Annee MDCDLXVIII (Paris 1770)*. — *Eloge de M. de L'Isle, 167-183, Le Necrologe des homes celebres de France (Paris, 1770)*, V, 1-86. «Записки Русского Географического Общества, 1849 г. III, 50-67. Записки Академии Наук» VI, прилож. № 3, VII, прилож. № 4. IX, прилож. № 2.

Репринтное издание

П.П. Пекарский

ПУТЕШЕСТВИЕ

**академика Николая Иосифа Делиля
в Березов в 1740 году**

Выпускающий редактор Т.Ю. Усманова
Технический редактор Е.В. Герасименко
Оператор вёрстки И.В. Булатов

Подписано в печать 29.12.2007 г. Формат 84х108/32. Бумага ВХИ.
Гарнитура TextBookC. Печать офсетная. Усл. п.л. 4,62.
Тираж 500 экз. Заказ № 5463.

Отпечатано ГП «Полиграфист».
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра Тюменской области
628011, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 46. Тел.: 3-49-91, 3-29-84.
E-mail: polygraf@wsmail.ru